РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

XVI ВѢКА

★ БИБЛІОТЕКА ★ ЛЕНИНГРАДСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Василія Жмакина.

Отдѣльный оттискъ изъ февральской и мартовской книги журнала «Древняя и Новая Россія».

С.-Петербургъ
Хромолитографія и Типографія В. Граціанскаго.
Невскій, 46.
1880

П. 2009

БИБЛІОТЕКА КІЕВСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА 1241

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

XVI ВѢКА.

Въ сферѣ религіозно-нравственной жизни Русскаго народа рѣзко выдѣляются два фактора, дѣйствія которыхъ налагали особенный отпечатокъ на всѣ мельчайшія отправленія жизни древне-Русскаго человѣка. Факторы эти: крайнее развитіе аскетическихъ воззрѣній и одностороннее преимущественно церковно-обрядовое отношеніе къ дѣламъ вѣры. Какъ, повидимому, ни противоположны другъ другу эти факторы, тѣмъ не менѣе они существовали и шли рука объ руку между собою, и отъ того или другаго взаимо-отношенія и комбинаціи ихъ въ жизни древне-Русскаго человѣка зависѣлъ и опредѣлялся характеръ его нравственной дѣятельности. Въ существованіи этихъ двухъ, далеко различныхъ другъ отъ друга, факторовъ и скрывается разгадка тѣхъ крайностей и противоположностей, какими такъ богата жизнь древне-Русскаго общества. Въ ней съ одной стороны находились такіе религіозные люди, которые цѣловали образы и мощи неиначе, какъ «задержавъ въ себѣ духъ и губъ неразѣваючи», а когда ѣли просфору, то боялись даже «зубами кусать и губами чавкать», съ другой—въ ней немало насчитывалось и такихъ людей, которые являлись настолько нравственно растлѣнными, что когда они готовились къ грѣшному дѣлу, то думали смягчить свое преступленіе тѣмъ, что снимали съ себя крестъ и завѣшивали образа. Въ исторіи крайности часто сходятся. Такъ было и въ древней Руси. Самое строгое благочестіе мирилось въ ней съ самою крайнею деморализаціею и распущенностью. Мы старались отыскать тотъ общій загадочный пунктъ въ нравственной жизни Русскаго народа, съ точки зрѣнія котораго возможно было бы объяснить аномаліи и крайности, съ какими намъ бросается въ глаза жизнь древне-Русскаго общества. Нами указано два фактора, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, кроется разгадка этихъ аномалій.

РГПУ им. А.И. Герцена

I.

Узкое церковно-обрядовое пониманіе религіи.—Вліяніе его на общественную нравственность.—Обличенія современниковъ.—Послѣдствія односторонняго пониманія религіи: неуваженіе къ святости храма и къ нѣкоторымъ таинствамъ церкви.—Современный взглядъ на значеніе храма Божія.—Неблагопристойное поведеніе въ церкви.—Шумъ, разговоръ и смѣхъ въ церкви.—Обличенія современниковъ.—Превратное пониманіе таинства покаянія.—Игнорированіе исповѣди.—Разные мотивы его.—Пастырскія увѣщанія современниковъ.

Съ самыхъ первыхъ дней своего распространенія въ Россіи, христіанство получило здѣсь преимущественно церковно-обрядовый характеръ, такъ-что и самая жизнь Русскаго человѣка искони развивалась въ одномъ направленіи—преимущественно церковно-обрядовомъ. Преобладаніе обрядности, внѣшности, мертваго односторонняго направленія религіозной жизни Русскаго народа положило свой особенный, специфическій отпечатокъ на всѣ ея отправленія. Узкое церковно-обрядовое направленіе Русской религіозности сказалось и на народныхъ идеалахъ. Самою лучшею характеристикою личности того или другаго человѣка служило указаніе на его заботливость и попеченіе о постройкѣ храмовъ, о пожертвованіи въ пользу ихъ богослужебныхъ книгъ, священной утвари и т. п. Такъ именно характеризовали наши древніе лѣтописцы благочестивыхъ князей. Домашняя, частная жизнь Русскихъ того времени располагалась такъ, что каждый домъ въ миньятюрѣ представлялъ изъ себя церковь, гдѣ такъ же, какъ и въ церкви, передніе углы всѣ увѣшивались иконами, предъ которыми въ извѣстное время зажигалось множество свѣчей и гдѣ грамотными домочадцами каждый день вычитывались и исполнялись многіе изъ тѣхъ обрядовъ и молитвословій, которые имѣли мѣсто при общественномъ церковномъ богослуженіи. Въ словахъ о правилѣ, «како пѣти себѣ предъ св. образы» мы встрѣчаемъ требованіе, чтобы каждый грамотный человѣкъ пѣлъ себѣ часы, заутреню нефимонъ, а неграмотный вмѣсто этаго долженъ вычитать опредѣленное число молитвъ. Въ области нравственно-практической первое мѣсто занимали, подъ вліяніемъ односторонне понятой религіи, вопросы, большею частью затрогивавшіе церковную обрядность. Для Русскихъ мало существовало недоумѣній чисто-нравственнаго духовнаго характера; на первомъ планѣ у нихъ стояли такіе вопросы, какъ вопросъ о томъ, что ѣсть и что пить въ извѣстный день поста, какіе поклоны творить и т. п. Такимъ образомъ обрядъ получилъ догматическое значеніе въ области нравственно-практической. Исполненію обряда, прочтенію молитвы—часто только механическому, стали усвоять соотвѣтствующее имъ дѣйствіе внѣ всякаго участія чувства и сердца лица исполнявшаго ихъ. При господствовавшемъ въ большей части народа мертвообрядовомъ направленіи христіанскаго благочестія суевѣрные Русскіе люди днями, мѣсяцами измѣряли силу и дѣйственность молитвъ. Въ сборникахъ XVI вѣка встрѣчаются напримѣръ такаго рода разсужденія «Іоанна Златоуста молитва Господу нашему Іисусу Христу: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій,

помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуяся глаголетъ, яко изъ ноздріи дыханіе—по первѣмъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ, Сынъ Божій; по второмъ лѣтѣ—внидетъ въ него Духъ Святый; по третьемъ лѣтѣ—пріидетъ къ нему Отецъ и, вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворитъ и пожретъ молитва сердце и сердце молитву пожретъ и начнетъ кликати безпрестанно молитву сію день и нощь». Усвояя словамъ молитвъ объективное дѣйствіе, Русскіе и незаботились о своемъ внутреннемъ сердечномъ настроеніи, когда принимались за молитву. Многіе приходили въ церковь и «изглаголавше многи стихи молитвъ, исходили оттуда, невѣдая, что глаголаша», за что они заслуживали справедливое осужденіе со стороны истинныхъ ревнителей благочестія. Довольно мѣтко сказалъ одинъ изъ нихъ, что «не пѣніемъ великогласнымъ благовѣріе познавается и горломъ краснымъ чтый Бога, дѣлы же отмеща заповѣди Его». Точно также съ чисто объективной стороны разсмотривалось дѣйствіе и польза для человѣка поста. Признавали достаточнымъ неѣсть скоромныхъ блюдъ, чтобъ получить всѣ блага поста и награду за него предъ Богомъ. Что это было такъ,—вотъ фактическій примѣръ. «Аще человѣкъ,—читаемъ мы въ одной рукописи,—въ среду и пятокъ неѣстъ сыры, ни млека кромѣ поста, но овощь зеленый ясть, да егда пріидетъ Ангелъ по душу ту и ведетъ ю на третіе небо и срящетъ ю Среда-Ангелъ и рѣчетъ ей: о радуйся, душе, много бо ся потрудила мене ради, введетъ ю на пятое небо и срящетъ ю Ангелъ-Пятокъ и рѣчетъ: радуйся, о душе, много бо ся потрудила мене ради на земли... Аще бо человѣкъ ялъ будетъ въ среду и въ пятокъ сыръ и млеко, аще и праведенъ будетъ, а егда пріидетъ Ангелъ по душу ту и ведетъ ю на небо, а срящутъ ю среда и пятокъ и рѣкутъ ей: о убогая душе, почто ся еси не потрудила». Такій односторонній взглядъ на значеніе поста сопровождался довольно оригинальными послѣдствіями. Многіе ревнители обрядовъ въ извѣстные дни ничего неѣли и постились даже до «куріяго возглашенія нощи», а нѣкоторые непринимали пищи втеченіе цѣлой седмицы. «Нѣціи начинаютъ, говоритъ одно поученіе, поститися седьмицу неясти, и напослѣди изнемогаютъ нижѐ глаголати могутъ, нижѐ поклоны творити и таковая начинанья ихъ или отъ тщеславія суть, или отъ неразумѣнія». Обрядовое отношеніе къ дѣламъ вѣры чрезвычайно дурно и развращающимъ образомъ вліяло на общественную нравственность. Отсюда вытекали и такаго рода факты, что люди, ведя самую порочную безнравственную жизнь, недумали о своемъ нравственномъ исправленіи, а считали достаточнымъ загладить ее исполненіемъ однихъ обрядовыхъ предписаній церкви. Другіе шли еще дальше. Они жили на землѣ, «угождая тѣлу своему, а о душѣ ни мало поскорбя» и тѣмъ не менѣе спокойно умирали, надѣясь на искупительное дѣйствіе посмертнаго поминовенія, для чего они оставляли значительныя суммы денегъ для раздачи ихъ по церквамъ и монастырямъ; иные, страшась за свою загробную участь, еще болѣе озабочивались о своемъ помино-

веніи и заставляли поминать себя за упокой еще при жизни. Немало было и другихъ анормальныхъ явленій въ религіозной жизни Русскаго народа, причина которыхъ скрывается въ одностороннемъ пониманіи существа религіи.

Одностороннее пониманіе религіи повлекло за собою немало неблагопріятныхъ послѣдствій для религіозной жизни Русскаго народа. Весьма многіе православные, неимѣя внутренняго чувства благочестія, нечувствуя и несознавая нравственной потребности и благотворности для души христіанскаго богослуженія, сильно охладѣли къ самой церкви, стали небрежно вести себя по отношенію къ ея требованіямъ и правиламъ, стали игнорировать таинствами церкви и, если исполняли ихъ, то безъ всякаго внутренняго расположенія, по одной привычкѣ, или по желанію отбыть повинность.

Нигдѣ такъ рельефно необнаруживалось узкое обрядовое отношеніе Русскихъ къ дѣламъ вѣры, какъ въ поведеніи ихъ въ церкви во время богослуженія. Теоретическій взглядъ на церковь и ея значеніе въ то время проводился самый возвышенный и вполнѣ достойный храма Божія. «Въ церкви, чадо, со страхомъ стой, такъ учитъ одно древнее поученіе, яко на небеси, яко предъ очима самого Бога... церковь же разумѣй небо суще, алтарь же престолъ Вышняго, служителя же Ангела Божія». Значеніе церкви въ древней Руси было гораздо шире того, какое она имѣетъ въ настоящее время. Это было не одно только мѣсто вобранія вѣрующихъ для молитвы, но церковь, при полномъ отсутствіи въ то время школъ, вполнѣ замѣняла собою эти послѣднія. Въ церкви народъ получалъ кое-какія свѣдѣнія о религіи и нравственности и только этими свѣдѣніями по большей части и пробавлялся и еще дѣлился ими съ членами своей семьи и рода: «святаго ученія (въ церкви) послушайте, поучаетъ одинъ древній моралистъ, еже въ церкви слышавше творити начнетъ поможетъ вы Господь... вонмити въ сердце си божественныя словеса и ученія, внесите въ домъ свой, еже слыша въ церкви, да домъ вашъ и церкви же сотворится ученіемъ и молитвами»; ли: «въ церкви стой съ молчаніемъ, послушая словесъ божественныхъ, да упомниши домашняя твоя учити». Стало быть, двоякія, — сколько религіозно-нравственныя, столько же вообще и образовательныя,—цѣли руководили Русскими книжниками, когда они давали такаго рода совѣты: «исходя (изъ церкви) незабывай, что бѣ, и что слыша». Важность церкви, какъ мѣста для молитвы и какъ школы для религіознаго обученія побуждала людей свѣдущихъ заботиться о томъ, чтобы благотворное значеніе посѣщенія церковнаго богослуженія простиралось какъ можно на большое число лицъ; отсюда мы слышимъ такаго рода наставленія: «къ церкви по вся дни приходите», а въ праздники заповѣдывалось даже: «весь день проводить къ церквамъ ходяще». Тѣже самые мотивы руководили книжниками, когда они, понуждая народъ къ посѣщенію церкви, заповѣдывали ему: «егда услышавше клепаніе той часъ воспрянути, яко отъ огня или отъ змія.»

Высокій взглядъ на значеніе храма Божія далеко неоправдывался въ дѣйствительной жизни Русскаго народа. Усвоенное имъ обрядовое отношеніе къ дѣламъ вѣры обнаружилось наглядно въ недостойномъ поведеніи при церковномъ богослуженіи. Несмотря на наставленія пастырей, Русскіе въ дѣйствительности очень неблагопристойно вели себя въ церкви во время богослуженія. Для многихъ казалось вполнѣ достаточнымъ, если они сходятъ въ церковь и простоятъ тамъ все богослуженіе. Вопросъ о томъ, какъ простоять, отодвигался подъ вліяніемъ господствовавшаго въ религіозной жизни формализма, на задній планъ. Достаточно сказать: «былъ въ церкви», чтобы этимъ показать, что весь долгъ по отношенію къ церковному богослуженію исполненъ. О внутреннемъ расположеніи, о духовной настроенности ума и сердца, о проникновеніи слышимымъ въ церкви и усвоеніи его говорили весьма мало. Понятно, какія слѣдствія должны были произойти отъ такаго формальнаго отношенія къ посѣщенію церковнаго богослуженія. Когда человѣкъ является въ церковь только за тѣмъ, чтобы своимъ появленіемъ тамъ заявить о своемъ присутствіи, нисколько внутренно духовно нерасположенный ко вниманію ко всему, происходящему въ церкви; то, естественно, онъ при непродолжительномъ пребываніи тамъ, начинаетъ разсѣяваться, его мысли ищутъ предмета, на которомъ бы онѣ могли сосредоточиться, и начинаютъ перебѣгать съ однаго предмета на другій. Отсутствіе сосредоточенности на религіозныхъ предметахъ обнаруживается во внѣшнемъ поведеніи человѣка, вовсе несоотвѣтствующемъ святости храма Божія. Мы имѣемъ множество данныхъ, которыя обстоятельно знакомятъ насъ съ неблаговиднымъ поведеніемъ, какое допускали Русскіе въ церкви во время богослуженія. «Тѣло ми остро стоитъ, говоритъ неизвѣстный обличитель нарушителей церковнаго благочинія, а мысль... считаетъ прикупы и займы и села и имѣній совокупленіе». Но это зло не столь велико, если оно немѣшало молиться другимъ. Чаще умственная разсѣянность вызывала на постороннія разсужденія и разговоры. Послѣдніе уже могли вредно дѣйствовать на другихъ присутствующихъ въ церкви и самымъ «кроткимъ» изъ нихъ творили, по выраженію однаго древняго памятника, «пакость о мнозѣ вѣствуя». Въ церкви весьма часто допускались разговоры: «единова во дни или недѣли, читается въ одномъ древнемъ словѣ, пріидемъ на единъ часъ къ церкви Божіи, да и ту въ себѣ стояти неможемъ въ тѣлищи нашемъ, но... бесѣды творимъ злая». Современные моралисты справедливо возмущались неблагопристойностью поведенія присутствующихъ въ церкви и высказывались довольно рѣзко: «ты, обличаетъ неизвѣстный авторъ, оставльше (въ церкви) къ Нему (Богу) бесѣдованіе, о калѣ и прасѣ и паутинѣ бесѣдуеши». Дѣйствительно и было чѣмъ возмущаться всякому сколько-нибудь благочестивому человѣку. Одновременно съ мѣстомъ религіознаго собранія церковь въ нѣкоторомъ родѣ играла роль и коммерческаго торговаго и вообще мірскаго пункта и чисто мірскаго сходбища. Церковь

дѣлалась по словамъ современниковъ «акы торжище». «Аще кто хощетъ что̀ слышати, передается въ одномъ древнемъ словѣ, или домовное строеніе, или воинская или о врачбѣ, то въ церкви слышиши»; въ другомъ словѣ еще опредѣленнѣе обличеніе: «сице куплю сотворити кто восхощетъ и ина орудія, то въ церкви глаголють о томъ». И подобныя житейскія разсужденія велись свободно и иногда переходили въ крупную брань, на что указываютъ свидѣтельства современниковъ, которые говорятъ, что нѣкоторые «въ церкви сходящеся свары совершаютъ». Видно практическіе люди древней Руси неоставляли своихъ земныхъ счетовъ и тамъ, гдѣ и что, по ученію ихъ наставниковъ, изображало собою небо. Другіе, болѣе безпечные, избирали себѣ развлеченія и занятія въ церкви инаго рода, какія болѣе соотвѣтствовали ихъ вкусу и настроенію. Одни, какъ выражается одно старинное поученіе, стояли въ церкви «яко скоти другъ на друга зря»; другіе занимали себя «смѣхы и бесѣдами пустошными»; третьи убивали время богослуженія «зря на ризы своя». Однимъ словомъ, каждый занималъ свою мысль, такъ сказать, текущими дѣлами: «инъ стоя здѣ (въ церкви) о богатствѣ ея печалуетъ, а инъ о недостатцѣ, а другій о питіи и о ядѣніи гдѣ бы звали». Еще большее зло вносили съ собою въ церковь женщины. Являясь туда разрумяненными и разодѣтыми, онѣ смущали своимъ видомъ многихъ присутствовавшихъ при богослуженіи: «церковь небеснаго жилища мѣсто есть ученіемъ и молитвами, а нынѣ убо небреженіемъ, яко торжище сотворихомъ, собирающебося жены къ церкви излишни красятся, вапы лице пишуще, да прельстятъ блудники, то не Бога ради прихожденіе, но на прелесть слабымъ и крѣпкимъ на соблазнъ». И женщины также оказывались неисправимыми, какъ и мужчины; и онѣ неотставали отъ послѣднихъ въ страсти къ бесѣдамъ, за что и подвергались еще большему и строгому осужденію со стороны ревнителей благочестія: «разговоривающихъ въ церкви женщинъ они, не стѣсняясь, называли гнусными». У мужчинъ еще была одна слабость, — это страсть повеличаться предъ другими въ церкви: «мы, неистови, говоритъ одно поученіе, въ церковь Божію приходимъ аки на торжище и на позорище съ гордостію и величаніемъ и покланяемся образу Владыки, Господа нашего Іисуса Христа покровенными главами, а иніи подпирающеся жезлы своими, а иніи безобразно приходятъ разволочася ризъ своихъ». Весьма замѣчательны обличенія митрополита Даніила противъ неблагопристойнаго поведенія въ церкви многихъ изъ его современниковъ: «Егда (говоритъ онъ), срама ради внидеши въ божественную церковь и невѣси почто пришелъ еси, позѣвая и протязаяся, и ногу на ногу поставляеши, и бедру въставляеши, и потрясаеши, и кривляешися яко похабный; о умѣ же твоемъ, что и глаголати: ничтоже бо обрѣсти въ тебѣ: ни памяти грѣховъ, ни памяти смерти и еже по смерти, ни памяти о нестерпимыхъ безконечныхъ мукахъ, и еже о царствіи небеснѣмъ, и о раю не токмо желаеши, ни воспоминаеши, но

и отъ глаголющихъ о сихъ отступаеши, и стоишь яко нечувственъ, неслушая ни чтущихъ, ни поющихъ, считаеши лихвы, богатство, управляеши домы, глаголеши о женѣ, о дѣтѣхъ, о рабѣхъ, и превозношаешися яко другій сатана, вся же человѣкы безумны и грѣшны глаголеши, точію себе разумна и премудра всѣмъ являеши». Нетолько одни міряне страдали недостаткомъ механическаго исполненія церковныхъ обрядовъ; онъ до нѣкоторой степени простирался и на самыхъ духовныхъ лицъ. Въ древнемъ Русскомъ поученіи, носящемъ названіе «слово Господа нашего Іисуса Христа—поученіе всему міру на спасеніе», авторъ слова влагаетъ въ уста Спасителя слѣдующія обращенныя къ пастырямъ слова: «почто неучите люди страху Божію стояти въ церкви, видящеи невидятъ, слышавшеи неслышатъ, устама своима ектенью глаголютъ: Господу помолимся... станемъ добри и станемъ со страхомъ, усты своими глаголете, а мысли ваша удалишася отъ мене». Вообще неблагопристойное поведеніе Русскихъ въ церкви было самымъ обычнымъ и общераспространеннымъ явленіемъ въ XVI в. и вызвало противъ себя сильныя обличенія, о чемъ лучше всего говоритъ богатство поученій этаго послѣдняго рода. Много сохранилось отъ того древняго времени поученій въ родѣ слѣдующихъ: «о глаголющихъ въ церкви»; «о еже въ церкви безъ страха стоящихъ»; «како достоитъ у церкви стояти со страхомъ и боязнію». Всѣ эти слова и поученія несомнѣнно Русскаго происхожденія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и носятъ имя того или другаго отца, а весьма многія являются и вовсе безъ имени автора; кромѣ того, я нашелъ въ одной рукописи особое поученіе митрополита Макарія «противъ разговоривающихъ въ церкви». Насколько обыкновенны были нарушенія церковнаго благочинія при богослуженіи, — объ этомъ можно судить по тому уже, что въ числѣ достоинствъ высоконравственнаго человѣка выставлялось какъ особенно важное и то, что онъ «въ церкви неглаголетъ». Сообразно съ этимъ и личность благоговѣйнаго человѣка предпочтительно предъ другими возвышалась въ пастырскихъ поученіяхъ того времени: «аще кто идетъ ко церкви Божіи со страхомъ и со всѣмъ сердцемъ... то сіяетъ душа его, аки солнце, и восходитъ молитва его яко теміанъ къ Богу, тогда ангелъ его исходитъ изъ алтаря и нося аки скляницу смирну въ рукѣ своей и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ Святый».

Были ненормальности въ религіозно-нравственной жизни Русскаго народа еще болѣе существенныя, которыя выходили изъ ряда собственно церковно-обрядовыхъ вопросовъ, но соприкасались уже и съ догматическимъ ученіемъ вѣры. Таково именно отношеніе Русскихъ того времени къ таинству покаянія. Исповѣдь понималась многими въ то время превратно. Въ ней видѣли часто одну неважную обрядность или религіозную формальность и сообразно съ этимъ относились къ ней безъ должнаго уваженія, какое слѣдуетъ таинству церкви. Причина такаго явле-

нія лежитъ опять въ самомъ характерѣ религіозности Русскаго народа, который понималъ вѣру больше какъ совокупность обрядовъ.

Въ средѣ болѣе просвѣщенныхъ и истинно благочестивыхъ людей мы находимъ прекрасные примѣры вполнѣ христіанскаго пониманія таинства покаянія. Самые органы его, священники, были у такихъ людей совѣтниками, къ которымъ прибѣгали они во своихъ духовныхъ нуждахъ и искали у нихъ себѣ утѣшенія. Для духовника у нихъ несуществовало скрытой домашней тайны. Въ средѣ истинно благочестивыхъ людей находили себѣ полное приложеніе прекрасныя нравственныя наставленія, какія сохранились до насъ отъ того времени. Для нихъ небыли пустыми словами наставленія ихъ пастырей. «Болѣе всего покаяльнаго отца слушайте (такъ говоритъ одно древнее слово) и кайтеся ему по вся дни, исповѣдающи своя грѣхи»; «наипаче духовнаго отца слушайте», читается въ другомъ пастырскомъ наставленіи, «исходите къ нему часто грѣхи своя исповѣдающе, нетяще ни единагоже». Вообще, мы нерѣдко встрѣчаемъ современныя наставленія ходить къ духовникамъ «бесѣдовать о духовныхъ и о печали свѣта сего».

Къ сожалѣнію, такаго рода наставленія ненаходили себѣ многихъ исполнителей. Сфера ихъ дѣйствій была ограниченная. Масса народа по невѣжеству непонимала высокаго значенія исповѣди и толковала ее посвоему. Составивъ себѣ понятіе объ исповѣди, какъ о мало значущей обрядности, Русскіе такій взглядъ проводили и въ жизни. Они вообще рѣдко исповѣдывались и приобщались, даже люди набожные,—и тѣ приступали къ таинству покаянія только однажды въ годъ. Многіе же неисповѣдывались по нѣскольку лѣтъ, несчитая этаго со своей стороны большимъ упущеніемъ. Игнорированіе покаянія мотивировалось въ то время различно. Одни, выходя изъ понятія о безконечной благости и милосердіи Божіемъ, успокоивали себя тѣмъ, что Богъ всегда проститъ кающагося и откладывали покаяніе все далѣе и далѣе, желая передъ смертью искренно раскаяться и получить прощеніе во грѣхахъ всей своей жизни; другіе же, наоборотъ, сознавая за собою множество грѣховъ, неприступали всетаки къ таинству покаянія, будучи напередъ увѣрены въ его недѣйственности для себя. Былъ еще одинъ неправильный взглядъ на таинство покаянія и его значеніе: нѣкоторые отвергали дѣйствительность покаянія, когда оно совершено передъ смертью и является такимъ образомъ вынужденнымъ страхомъ загробнаго наказанія. «Мнози молвятъ, читаемъ мы въ одномъ древнемъ поученіи, о еже кто ся умрети каетъ, аки волъ предъ сѣкирою стоя, того недостойно творя приняти» (на покаяніе).

Неправильный взглядъ на значеніе таинства покаянія многими проводился въ жизни и выражался въ томъ,что они многіе годы неисповѣдывались и непричащались. Особенно это было развито въ низшей средѣ общества или массѣ народа. Другіе дѣлали и того хуже.Они являлись къ духовнику па исповѣдь и утаивали предъ нимъ свои прегрѣшенія, а послѣ даже хваста-

лись этимъ, говоря съ насмѣшкою: «что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться». Утаиваніе грѣховъ тѣмъ болѣе представляло возможности, что сами духовники немогли и иногда нехотѣли выспрошивать во всѣхъ подробностяхъ грѣхи каждаго исповѣдующагося у нихъ. Были болѣе серьезныя причины, располагавшія къ утаиванію грѣховъ. Въ древнемъ Русскомъ обществѣ установился такаго рода взглядъ на исповѣдь, по которому ее считали дѣйствительною только въ томъ случаѣ, если она сопровождалась эпитиміею: «Аще исповѣдывавшагося несвяжетъ отецъ духовной эпитиміею (такъ разсуждается въ одномъ древнемъ поученіи) то предастъ душу его вѣчной муцѣ, и ждутъ тѣхъ узы неразрѣшимыя». Эпитиміи приписывалась вся сила и значеніе исповѣди: «аще отцу исповѣдаете (грѣхъ), отецъ же, яко врачъ хитрый, изметъ отъ васъ, яко желѣзо, грѣхъ и язву эпитиміею». Священникамъ, неналагавшимъ эпитиміи на исповѣдующихся у нихъ, угрожали проклятіемъ. Такимъ образомъ исповѣдь въ древней Руси всегда сопровождалась наложеніемъ эпитиміи. Во избѣжаніе ея-то многіе и скрывали свои грѣхи. Утаиваніе грѣховъ было систематическимъ, и оно неподдавалось никакимъ пастырскимъ увѣщаніямъ.

Пастыри церкви неоставляли безъ вниманія такаго важнаго упущенія своихъ пасомыхъ. Въ древнихъ рукописныхъ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемъ увѣщанія ихъ, обращенныя къ вѣрующимъ, увѣщаніе «истиннѣ каятися», «явственнѣ исповѣдати вся свои согрѣшенія» «да иже до конца изначала», а не «срамляться» грѣховъ своихъ, и нетаить ни единаго въ сердцѣ своемъ, и нескрыти ихъ, такъ какъ таеніе есть только «радость сатанѣ». Для того, чтобы расположить исповѣдающихся къ откровенности, нѣкоторые древніе моралисты совѣтовали употреблять всякія выраженія любви къ кающемуся. Заповѣдывалось между прочимъ приходившаго каяться помѣщать въ одной уединенной комнатѣ и бесѣдовать съ нимъ нѣкоторое время до исповѣди, а самую исповѣдь производить, вопрошая кающагося «со всякимъ смиреніемъ и кротостью, иже аще есть мощно, и цѣловати его и облобызати».

II.

АСКЕТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА НРАВСТВЕННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКАГО НАРОДА.

Происхожденіе аскетической литературы.—Вліяніе Византійскаго аскетизма на Русскую письменность.—Отрицаніе всякихъ удовольствій и благъ міра.—Ничтожество жизни человѣка.—Богатство памятниковъ аскетической литературы и вліяніе ея на жизнь Русскаго общества.—Послѣдствія развитія аскетическихъ идей.—Высокій взглядъ на монашество.—Громадное распространеніе монастырей.—Неблагопріятныя послѣдствія его для общества.—Происхожденіе взгляда о невозможности спасенія въ мірѣ.—Послѣдствія убѣжденія въ невозможности спасенія въ мірѣ для общественной жизни.—Происхожденіе взгляда на необязательность для мірянъ нѣкоторыхъ нравственныхъ требованій христіанской морали.

Въ древне-Русскомъ обществѣ довольно сильно былъ развитъ аскетическій взглядъ на жизнь и весь міръ. Происхожденіе его одновременно

съ принятіемъ христіанства. Вмѣстѣ съ благовѣстіемъ евангельскаго ученія приносится къ намъ нашими учителями Греками и ихъ литература, ихъ умственная и нравственная культура и просвѣщеніе. Существенною стихіею Византійской литературы было всестороннее и безпощадное отрицаніе тлѣннаго «міра». Самое понятіе о «мірѣ» сдѣлалось въ ней синонимомъ погибели, и предметомъ прославленія ея служило удаленіе отъ міра и всѣхъ его золъ. Дѣйствіе такой учительной литературы незамедлило обнаружиться и въ нашемъ обществѣ. Литературные памятники, завѣщанные намъ Византіею, послужили для Русскаго народа и литературными образцами, и источниками умственнной и нравственной культуры. Подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ Византійскихъ образцовъ возникала и развивалась Русская литература. Послѣдняя по тому уже самому могла слишкомъ далеко отойти отъ своего первообраза и первоисточника. Характеръ и содержаніе древне-Руской письменности лучше всего показываетъ степень зависимости Русской нарождавшейся литературы отъ выдохшейся, отжившей литературы Греческой. Болѣе всего, кажется, вліяніе Греческой литературы сказалось именно на религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ Русскаго общества, такъ какъ она сама вращалась болѣе всего въ сферѣ этой именно области и въ ней-то проводила свой строгій аскетизмъ. Дѣйствительно, и жизнь, и письменность древняго Русскаго человѣка сложились до нѣкоторой степени такъ, какъ трактовала о томъ Греческая литература. И жизнь и мысль Русскаго народа, свободно или путемъ борьбы, но тѣмъ не менѣе укладывались и усвояли себѣ кругозоръ и воззрѣнія той литературы, которая была для него самою нравственною и умственною воспитательницею. Только-что пробудившаяся Русская мысль и та начала работать по Византійскимъ образцамъ. Византійскіе идеалы сдѣлались до нѣкоторой степени и Русски идеалами. И вотъ и на Русской почвѣ начинаютъ раздаваться голоса противъ такъ называемаго міра. Все мірское, все житейское подвергается ихъ безпощадному бичеванію и отрицанію. Самое понятіе «міръ» и у насъ на Руси стало чѣмъ-то предосудительнымъ, грѣшнымъ. Русскіе книжники, по примѣру Греческихъ, ненаходили словъ для того, чтобы достойно унизить постыдный въ ихъ глазахъ «міръ». Самое слово «міръ» сопровождалось всегда соотвѣтствующими этому взгляду эпитетами. Рѣдко можно встрѣтить такую рукопись, въ которой бы предъ или послѣ слова «міръ» нестояло какаго либо прилагательнаго, значеніе коего состояло въ порицаніи его. Міръ постоянно у Русскихъ книжниковъ сопровождается названіями «погибельнаго», «суетнаго», «скоротлимаго», «скороминующаго», «вмалѣ являющагося, а вскорѣ погибающаго», «мечетнаго» (призрачнаго). Если такъ смотрѣли вообще на міръ, то болѣе реальныя проявленія міровой или, вѣрнѣе, мірской человѣческой жизни вызывали еще бо́льшее осужденіе аскетовъ-моралистовъ. Общественныя положенія человѣка, внѣшнія благопріятныя условія жизни и т. п. обсуждались ими какъ что-то злое. «Уподобишася слава міра сего (читаемъ

мы въ одномъ древне-Русскомъ поученіи), и пламени огненному, иже подгнѣщенъ дровы и бысть высокъ и потомъ приложися въ угліе и потомъ въ пепелъ, и паки развѣетъ вѣтръ и мѣста необрящется». Такъ съ чисто-аскетической точки зрѣнія оцѣнивалось въ то время не одно законное достиженіе общественныхъ почестей и уваженія, а всѣ внѣшнія условія общественной жизни. О законности самыхъ невинныхъ, повидимому, удовольствій нечего было и думать. Удовольствія по взгляду Русскихъ моралистовъ неимѣли существеннаго значенія для человѣка. Человѣкъ рожденъ не для эстетики, а для однихъ страданій и искушеній, и только одна побѣда надъ ними дѣлаетъ его истинно счастливымъ. «Красная міра сего суетна и скоротлима, вмалѣ является и скоро погибаетъ», говорили тогда. Что это за «красная міра сего»—неизвѣстный учитель самъ объясняетъ, когда говоритъ: «овіи убо отъ человѣкъ богатство хвалятъ и имѣнія, иніи же блажатъ славу и силу, другіи же пищу, иніи же сладость». Душевныхъ проявленій такихъ, какъ радость, веселье, признавалось несвойственнымъ допускать истинному христіанину. «Чадо, не восхищи (такъ поучаетъ одинъ моралистъ) веселитися въ мірѣ семъ, яко веселіе свѣта сего плачемъ провожается». Игнорировать всѣ блага жизни — считалось признакомъ человѣка великаго ума. «Аще ли любомудрецъ желаеши быти, невеселися о красныхъ житія, травный бо тѣхъ цвѣтъ, якоже осязаеши увядаетъ». И наоборотъ, не иначе какъ безумцемъ слылъ тотъ, кто «склонялся въ пользу льсти вѣка сего». Однимъ словомъ, въ мірѣ нѣтъ ничего достойнаго того, чтобы увлекаться имъ и пользоваться его благами. Это своего рода омутъ, или, какъ одинъ подвижникъ назвалъ—«блудница», которой должно избѣгать, какъ самой тлетворной заразы. Такимъ образомъ міръ, какъ объектъ, ничего необѣщаетъ человѣку, кромѣ постоянныхъ увлеченій, за которыми почти всегда скрывается его гибель. Вообще тлѣнный окружающій насъ міръ, по взгляду аскетовъ, былъ олицетвореніемъ всего злаго и увлекаться и вращаться въ сферѣ «безумія міра сего прелестнаго» было бы дѣйствительно безуміемъ и погибелью для человѣка. Ратуя противъ всякихъ удобствъ жизни, аскетизмъ нещадилъ и самой жизни человѣческой. Міръ, въ которомъ вращается человѣкъ, вездѣ носитъ слѣды неустойчивости, непостоянства. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать человѣку его жизнь, особенно жизнь въ такомъ пагубномъ, по мнѣнію многихъ, мірѣ. Отсюда нападки аскетовъ коснулись и самой жизни человѣка. «Овіи (отцы), говоритъ одинъ книжникъ, дымомъ нарекоша житіе свое, овіи—прахомъ свою жизнь, друзіи же—яко ничтоже сущу». «Человѣче (восклицаетъ другій) время твое течетъ, яко рѣчная быстрина»! И вотъ на тему о ничтожествѣ міра, жизни появляются чуть не цѣлыя творенія. «О несмысленіи окаянніи (читаемъ въ одномъ изъ нихъ) не вѣсте ли, вы, что день несетъ что ли нощь, прейдетъ житіе ваше, аки облакъ носимъ вѣтромъ». И жизнь человѣка у аскетовъ незаслуживаетъ другаго названія, кромѣ «погибающаго»

«скороминующаго», «прелестнаго», «тлѣннаго житія». Благочестивые мужи древней Руси внимали съ благоговѣніемъ аскетическимъ наставленіямъ своихъ духовныхъ руководителей и сами становились въ отношеніи ко другимъ проводниками тѣхъ же аскетическихъ идей. Пастыри считали долгомъ воспитывать на нихъ своихъ духовныхъ чадъ. «Отъ чего тя первое научу и начну казати, сыну мой, спрошиваетъ одинъ духовный отецъ своего слушателя. Что ти первѣе явлю, мятежъ ли и злобы свѣта сего?» Видно пастырь очень сжился съ аскетическими воззрѣніями, когда онъ въ своихъ наставленіяхъ отдаетъ имъ первое мѣсто. Повидимому, нельзя небичевать настоящую жизнь человѣка, когда въ ней все обманчиво и измѣнчиво: «вся вскорѣ погибаютъ, яко прахъ и пепелъ, яко цвѣтъ травный увядаетъ вся свѣта сего прелестна и богатство и слава». Вотъ примѣръ того, какъ смотрѣли древніе моралисты на всѣ блага земной жизни. Вообще, съ какой бы стороны ни смотрѣли на міръ и жизнь человѣка, аскеты всегда видѣли здѣсь только одинъ мракъ, одни безполезныя страданія, и жизнь человѣка на землѣ казалась имъ чрезвычайно жалкою и плачевною. Не безъ увлеченія и искусства оплакивалась она въ произведеніяхъ древней Русской письменности. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя слова и посланія митроп. Даніила, въ которыхъ спеціально трактуется о скоротечности человѣческой жизни и о неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ. «Что есть житіе наше (такъ пишетъ Даніилъ въ одномъ изъ своихъ посланій), не якоже ли сонное видѣніе, не якоже ли цвѣтъ травный и пара, вмалѣ восходящи и исчезающи, или рѣчная быстрина мимотекущая, или яко роса утренняя»? А вотъ разсужденія митрополита Даніила на тему о земныхъ благахъ. «Пріидемъ, о любимиче, такъ читаемъ мы въ одномъ его посланіи, и видимъ въ гробѣхъ ясно: гдѣ онаго и онаго многое имѣніе и безчисленное богатство? Гдѣ крѣпость тѣлесная ихъ? Гдѣ храбрость мужества ихъ? Гдѣ убо есть доброта тѣлесная? Гдѣ есть юность? Гдѣ есть очи? Гдѣ языки многоглаголивіи и ухмуренныя рѣчи? Гдѣ лѣпота плоти и красота юности? Гдѣ бани и прочее угодіе плоти? Гдѣ одры слоновые и златопрядныя постели? Гдѣ кони среброуздыя? Гдѣ оружія златосіянныя? Гдѣ высокіе престолы? Гдѣ царіе и князи и иже возвышенная слава? Гдѣ болярство и честь? Гдѣ красота и слава суетнаго сего житія? Вся изсохша яко трава, вся разсыпашася, вся погибоша? Гдѣ убо тогда мірское пристрастіе? Гдѣ злато и сребро? Гдѣ рабъ множество и отроки предтекущія? Гдѣ многоразличныя трапезы и сладкія снѣди и хитрость поваровъ? Гдѣ красота разная? Гдѣ златыя и сребряныя сосуда?... Вся пепелъ, вся персть, вся прахъ, вся сѣнь». Совершенно въ томъ же духѣ писалъ и Максимъ Грекъ. Постоянное оплакиваніе жизни шло далѣе. Оно доходило до самаго отрицанія жизни. «Блаженъ, восклицаетъ въ отчаяніи одинъ строгій моралистъ, иже возненавидитъ житіе человѣческое»! Отрицаніе житейскаго міра, мизантропическій взглядъ на самую жизнь человѣка,

исключеніе изъ сферы человѣческой дѣятельности цѣлой области эстетическихъ силъ народа, полное самоотреченіе ото всѣхъ удобствъ общественнаго положенія и т. д., что все проповѣдывалось какъ догма аскетизмомъ, естественно, должно было указать на какій-нибудь исходъ изъ безнадежно-жалкаго положенія человѣка въ мірѣ. Исходъ этотъ аскетизмъ видѣлъ въ отрѣченіи отъ міра, въ удаленіи въ пустыни.

Аскетизмъ господствовалъ въ воззрѣніяхъ древне-Русскаго человѣка и до нѣкоторой степени прилагался имъ къ своей жизни. Вся литература—и самостоятельная, и переводная—проникнута была однимъ и тѣмъже духомъ. Частью путемъ заимствованія, частью же и самостоятельно Русскіе книжники пускались и воплощали свои аскетическія воззрѣнія въ письмени. Вотъ гдѣ находится источникъ того богатства древнихъ памятниковъ, которые спеціально посвящены и трактуютъ о суетѣ мірской, «иже въ житіи семъ», и о «молвѣ міра сего неполезнѣй». Рѣдко можно встрѣтить древній сборникъ, гдѣ бы небыло разсужденій о ничтожествѣ міра и человѣка. Всюду разбросаны въ рукописяхъ слова и поученія въ родѣ слѣдующихъ: «слово св. отецъ о временнемъ семъ житіи», «о славѣ міра сего», «о суетѣ міра сего», «о суетнѣмъ семъ житіи», «о житіи семъ многомятежнѣмъ», «о мятежи житія сего человѣческаго», «о скороминующемъ житіи семъ»; «о льсти міра сего»; «о суетіи міра», «о мятежи сея жизни», «о еже ненавидѣти міра и яже суть въ мірѣ», «что есть житіе настоящее», «наказаніе всякому возрасту о благодати и отверженіи мірскія любви» и т. п. Не на этихъ только произведеніяхъ воспитывался аскетизмъ Русскаго народа. Вся церковная письменность (а другаго рода письменности тогда и небыло) цѣлымъ своимъ составомъ воспитывала въ народѣ аскетическія воззрѣнія. «Патерики Синайскій и скитскій, говоритъ Буслаевъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII в. включительно... Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-Русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ пустынныхъ захолустьяхъ земли Русской». Такимъ образомъ аскетическія воззрѣнія нашли себѣ исходъ въ Русской жизни, который выразился въ томъ, что массы народа бѣжали отъ «бездны лукаваго вѣка сего» въ пустыни и тамъ, вдали отъ міра, искали получить себѣ спасеніе.

Идея о отрѣшенности отъ міра и его благъ и удовольствій, о долгѣ христіанина стремиться только къ высшему духовному міру, ученіе о борьбѣ и побѣдѣ духа надъ плотію—все это съ подробностью развивалось въ той церковной письменности, которая перешла къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ. И эта самая церковная литерату-

ра принесла намъ великую пользу въ томъ отношеніи, что она способствовала возвышенію нравственности въ народѣ, ослабляла въ немъ крайнюю привязанность къ земнымъ благамъ, однимъ словомъ, облагораживающимъ образомъ дѣйствовала на нравы Русскаго народа, который долгое время и послѣ принятія христіанства отличался преданностью грубой чувственности язычества. Но вся бѣда была въ томъ, что ученіе о борьбѣ съ міромъ и плотію, какое давалось Византійскою церковною письменностью, Русскимъ народомъ понималось болѣе съ формальной стороны. Односторонне-усвоенная народомъ религіозность сдѣлала то, что и чисто духовныя моральныя истины стали разсматриваться сквозь призму церковнаго формализма, что̀ и выразилось въ односторонних̀ъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на міръ и сопровождалось анормальными явленіями въ жизни Русскаго народа.

Одна крайность вызываетъ другую, одно увлеченіе сопровождается охлажденіемъ къ предметамъ, противоположнымъ увлеченію. Увлеченіе переходитъ въ жизнь и здѣсь проявляется также неровностями и односторонне. Такова же была судьба аскетизма въ древней Руси. Подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній Византійской и собственно Русской литературы въ древней Россіи развитіе народнаго духа получило особенно рѣзкое и одностороннее направленіе. Аскетическая проповѣдь обнаружила свои дѣйствія. Въ Русскомъ народѣ сильно развилась наклонность къ мистицизму, который, въ свою очередь, требовалъ себѣ какаго нибудь исхода. Такимъ исходомъ для Русскаго народа послужило монашество. Послѣднее какъ нельзя болѣе отвѣчало всѣмъ требованіямъ, какія такъ настойчиво проводились аскетами-моралистами. И вотъ монашескій идеалъ и сталъ въ умахъ Русскихъ исключительнымъ идеаломъ высоконравственной жизни. Монашество, поставленное въ глазахъ Русскихъ, какъ идеалъ христіанской жизни, потому самому стало конечною цѣлью, послѣднимъ желаніемъ болѣе или менѣе благочестиваго человѣка. Идеалъ монашескій сдѣлался идеаломъ христіанской нравственности, предъ которымъ все благоговѣло, все преклонялось. При такомъ отношеніи къ монашескому идеалу взглядъ на монашество въ Русскомъ обществѣ образовался самый возвышенный. Монашество представлялось «лучше царской державы»; о монахахъ говорили «свѣтъ инокомъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки». Въ глазахъ Русскихъ монастырь былъ самымъ священнымъ мѣстомъ, не въ смыслѣ религіозномъ только, а по уваженію къ нравственнымъ достоинствамъ его обитателей. Въ кодексъ современныхъ нравственныхъ наставленій непремѣнно входили такаго рода совѣты: «монастыри любите, это сыновья святыхъ, пристанища сего свѣта». Пастыри постоянно поучали народъ, что истинная пристанища—монастыри», что они «домы святыхъ». Монахъ окружался ореоломъ святости. Жизнь монашеская называлась не иначе, какъ «Христово-подобнымъ житіемъ»; сами монахи «вышняго Іерусалима—гражданами»; въ монахахъ народъ видѣлъ спасителей и молитвенниковъ

за весь міръ. «Поминайта монастыря, говорится въ одномъ старинномъ поученіи; чернецъ стыдитася и чтетай ихъ, яко ихъ ради милуетъ Богъ міръ сей». Монашескій идеалъ былъ мѣриломъ нравственности и чистоты; вліяніе его простиралось на окружающихъ и обаяніе святости и чистоты иноковъ благотворно дѣйствовало на окружающую среду: «видѣвъ... житіе, и устрой, и чинъ, и уставъ, пребываніе ихъ (монаховъ), окаеши и свое житіе и управиши оттоли». Монастыри служили для Русскихъ убѣжищемъ отъ мірской суеты, въ нихъ искали успокоенія и наставленій, и утѣшеній лица, которыя сознавали свою нравственную нечистоту, и тамъ думали найти себѣ душевный миръ и успокоеніе. «Къ тѣмъ (т. е. монахамъ) прибѣгай и утѣшатъ тебя, такъ поучаетъ одно слово, поскорби съ ними и обеселишися, сынове бо безъ печали суть и утѣшити умѣютъ». Такимъ образомъ въ XV и началѣ XVI в. Русское монашество пользовалось громаднымъ нравственнымъ значеніемъ въ обществѣ. Нравственная высота монашества создала нѣсколько твореній, въ которыхъ выразилось благоговѣніе къ нему. Такаго именно характера «слово о Константинѣ цари», гдѣ разсказывается, что первый «во царѣхъ хрестіанскій царь св. Константинъ пріиде въ небеси къ Паисію, печалуя и плакася глаголя: яко не видѣхъ, не разумѣлъ, яко толика слава, и толико величіе, и честь подается монахамъ во царствіи небесномъ... аще бо быхъ вѣдалъ, яко толику пріимутъ славу и честь, оставилъ быхъ и ялъ вѣнецъ, и порфиру, и скипетръ и послѣдовалъ быхъ житіе монашеское». Большаго уваженія къ монашеству, кажется, нельзя и выразить, когда святый мужъ, наслаждающійся святостью въ царствіи небесномъ, и тотъ позавидовалъ счастливой участи, какая за гробомъ ожидаетъ благочестивыхъ иноковъ. Взглядъ на монашество, какъ на идеалъ высоконравственной истинно-христіанской жизни, много содѣйствовалъ быстрому распространенію и развитію монашества на Руси. Послѣдствія его сказались въ жизни Русскаго народа быстрымъ возрастаніемъ монастырей. Лучшимъ доказательствомъ общей наклонности Русскихъ къ аскетизму, который находилъ себѣ прямый выходъ въ монашествѣ, могутъ служить голыя цифры числа монастырей и пустынь. Такъ съ XI—XIV в. ихъ возникло 87, въ XIV в. и первой половинѣ XV вѣка 150, причемъ на четырнадцатый вѣкъ приходится только—80, тогда какъ на одну половину пятнадцатаго—70. Точно также въ прогрессивномъ порядкѣ шло возростаніе монастырей во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. За этотъ періодъ времени появилось новыхъ монастырей почти вдвое болѣе прежняго. Физическія и общественныя бѣдствія въ древней Руси служили внѣшними обстоятельствами, способствовавшими развитію монастырской жизни. Благочестивые люди только подъ монашескимъ одѣяніемъ надѣялись получить себѣ спасеніе и потому массами поступали въ монастыри. Міръ и все житейское казалось имъ опаснымъ для души. Спастись отъ погибели одно средство—бѣжать отъ міра въ пустыни и монасты-

ры. И дѣйствительно, туда массами бѣжали. Ревнители благочестія, живя въ мірѣ, считали себя окончательно погибшими для спасенія, и нѣкоторые изъ нихъ изъ любви ко спасенію своей души порывали всѣ свои семейныя узы, покидали женъ и дѣтей на произволъ судьбы, часто безъ пристанища, и скрывались въ монастыряхъ. Отъ мужей не отставали и жены,—и тѣ часто поступали въ монастырь тайно отъ своихъ мужей. Изъ посланія митрополита Фотія видно, что «жены отъ мужей стриглись тайно отъ черницъ». Такимъ образомъ пустыня, монастырь сдѣлались предметомъ духовныхъ желаній, предметомъ поэтическихъ изображеній, какъ для иноковъ, такъ и для мірянъ. Благоговѣніе къ монашеству дошло до того, что нѣкоторые высказывали желаніе, чтобы хотя мертвенные останки ихъ покрывались монашескимъ одѣяніемъ, видя въ томъ облегченіе своей загробной участи. Такое желаніе высказывалъ напр. великій князь Василій Ивановичь.

Крайнее развитіе монашества повлекло за собою неблагопріятныя послѣдствія, какъ для общества, такъ и для самой монастырской жизни. Общество лишалось здѣсь весьма многихъ изъ своихъ членовъ, которые и по своему нравственному состоянію и умственнымъ способностямъ, могли бы во всякомъ другомъ случаѣ принести ему много пользы. Съ другой стороны, въ число монашествующихъ поступали лица, часто мало подготовленныя и незнакомыя со всѣми трудностями аскетической жизни, лица съ невыработаннымъ характеромъ, для которыхъ желаніе поступить въ монастырь небыло результатомъ продолжительнаго внутренняго самоиспытанія, а только скорѣе случайнымъ аффективнымъ явленіемъ, непродолжительнымъ простымъ увлеченіемъ подъ вліяніемъ воздѣйствія внѣшнихъ какихъ либо обстоятельствъ. Послѣдствія крайняго развитія монашества отразились неблагопріятно для Русскаго общества; между лицами, скрывавшимися за стѣнами монастырей, немало было людей даровитыхъ и честныхъ, дѣятельность которыхъ въ общественныхъ сферахъ церкви и государства была бы весьма благотворною, по крайней мѣрѣ болѣе благотворною,чѣмъ тотъ ограниченный стѣнами однаго монастыря кругъ дѣятельности, какій ожидалъ ихъ въ монастырскомъ уединеніи. Между тѣмъ въ самомъ обществѣ оставались большею частью люди, къ которымъ вполнѣ приложимо названіе людей, по аскетической терминологіи, «вѣка или міра сего». Для нихъ вопросъ о спасеніи имѣлъ болѣе, чѣмъ второстепенное значеніе, а цѣль жизни—наслажденіе благами мірскими. Конечно, отъ такихъ людей нечего было и ждать болѣе или менѣе нравственной чистоты въ жизни. Подобные люди, погруженные во всевозможныя удовольствія, и на нихъ и въ нихъ тратили свою жизнь и много нехотѣли думать о своемъ спасеніи и нравственномъ усовершенствованіи, или уже отчаялись въ немъ. Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ былъ одинъ и тотъ же—нравственная испорченность. Съ другой стороны—лица, болѣе нравственныя и честныя, видя вокругъ себя постоянныя нравственныя уклоненія и безобразія, дѣйствительно прихо-

дили къ тому заключенію, что въ мірѣ и среди міра возможно только погибнуть, но никакъ неспастись, что въ немъ царитъ зло и діаволъ. Во всѣхъ отношеніяхъ міръ является преткновеніемъ для всѣхъ, вращавшихся въ его сферѣ. На сцену выдвинутъ былъ вопросъ, оставившій подъ сомнѣніемъ возможность спасенія въ мірѣ. «Аще кто жену имый и чадь, и богатство и о житейскихъ вещахъ пекыйся, како то можетъ угодити Богу и сохранити заповѣди»?—задавали себѣ такій вопросъ многіе живущіе въ мірѣ. Но это еще только слабое начало затрудненій. Вопросъ можно рѣшать въ томъ или другомъ смыслѣ. Важность вся въ томъ, что поставленный вопросъ рѣшался весьма многими въ то время въ отрицательномъ смыслѣ. «Многажды слышахъ, говоритъ неизвѣстный обличитель, нѣкыя невѣгласы глаголюще: съ женою и съ чады своими неможемъ спастися»; «глаголютъ нѣціи, читаемъ въ другомъ поученіи, яко не могу въ міру спастися». И такаго рода убѣжденіе не какое-либо случайное явленіе въ Русской общественной жизни, оно сложилось вѣками и обстоятельствами, и жило не въ отдѣльныхъ какихъ либо личностяхъ, а сдѣлалось достояніемъ цѣлой массы людей, вполнѣ сознательно и съ полнымъ убѣжденіемъ утверждавшихъ, «яко нѣсть мощно спастися живущимъ въ міру». Масса эта оказывала настолько подавляющее вліяніе на общество, что вызвалѣ своими крайними воззрѣніями цѣлую обличительную литературу. «Чадо, пишетъ одинъ благоразумный наставникъ, не спасетъ мѣсто никогоже, но дѣла добрыя спасутъ человѣка, или осудятъ; внемли убо: не въ міру ли съ женою и съ дѣтьми живя Енохъ угодилъ Богу и съ беззаконными человѣкы живый»,—«никій же міра сего санъ отъ вѣчныя муки избавитъ», повторяется таже самая мысль въ другомъ мѣстѣ. Но трудно было сломить, уничтожить убѣжденія, сложившіяся вѣками и обратившіяся въ плоть и кровь народа. Общее убѣжденіе о невозможности спастись въ мірѣ все крѣпло и крѣпло, росло и росло, и къ первой половинѣ XVI в. изъ-за него и на почвѣ его поднялся цѣлый обширный вопросъ, который интересовалъ умы весьма многихъ Русскихъ людей. Интересъ вполнѣ понятный. Сущность вопроса касалась не какихъ либо отвлеченныхъ тонкостей и догматическихъ извитій мысли, иногда непонятныхъ для массы и доступныхъ только избраннымъ умамъ, она вращалась въ самой сферѣ жизни народа и задѣвала его за самыя живыя стороны его дѣятельности. При строгой религіозности и при наклонности къ мистицизму, вопросъ о возможности спасенія въ мірѣ былъ для Русскаго общества самымъ животрепещущимъ вопросомъ, требующимъ немедленнаго успокоительнаго для всѣхъ разрѣшенія. Но этого-то послѣдняго и недоставалось. Явились споры, потребовались объясненія, но все это было еще далеко отъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ жизнь заявляла о своемъ. Умственная и нравственная атмосфера давила, мучила общество. Положеніе общества было вполнѣ критическое. Для многихъ казалось нетребующимъ никакихъ объясненій и разъясненій, у нихъ уже

составилось крѣпкое убѣжденіе въ истинности того положенія, что нельзя спастись, живя въ мірѣ. Здѣсь вопросъ недопускаетъ, повидимому, никакихъ сомнѣній, колебаній и споровъ. Съ одной стороны, дѣйствительно такъ. Однако и для этой части общества, весьма значительной по объему, являлись задачи, которыя также требовали немедленнаго разрѣшенія, или вѣрнѣе—рѣшенія (въ смыслѣ акта воли). Предъ ними стояла трудно-разрѣшимая дилемма: они должны были избрать одно изъ двухъ—или отказаться вовсе отъ мысли о полученіи спасенія съ сохраненіемъ за то мірской жизни и ея удовольствій, или же порвать всякую связь съ міромъ, оставить все дорогое сердцу,—семью, жену, дѣтей—съ цѣлью получить спасеніе въ какомъ-либо отдаленномъ монастырѣ. Оба представленные исхода настолько противоположны другъ другу, и въ тоже время касались такихъ дорогихъ для каждаго человѣка интересовъ, что много требовалось силы характера, чтобы хотя при полномъ убѣжденіи безъисходности своего положенія, безъ борьбы, безъ сожалѣнія, избрать какій нибудь одинъ изъ нихъ. Требовалось время, томительное время колебаній... сомнѣній... откладыванія исполненія давно зрѣвшаго плана или рѣшенія. А тутъ на сцену являлись противоположныя воззрѣнія на этотъ предметъ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ ихъ лицъ, споры, вызывавшіе само собою новыя и новыя колебанія, мучительныя сомнѣнія. Такимъ образомъ вопросъ о возможности или невозможности спасенія въ мірѣ, среди мірской жизни и обстановки въ XVI вѣкѣ дошелъ до такаго состоянія напряженія, въ которомъ долго находиться онъ немогъ и требовалъ своего разрѣшенія въ томъ, или другомъ его смыслѣ. Въ немъ съ той или другой стороны заинтересовано было все Русское общество и ждало отвѣта. Дѣйствительно, многіе пастыри церкви откликнулись на сомнѣнія своей паствы и старались выяснить предъ нею истинныя начала нравственности. Такъ напр., между словами митрополита Даніила находится одно, которое посвящено разрѣшенію вопроса о возможности и невозможности спасенія въ мірѣ и которое озаглавливается «о еже что міръ и яже въ мірѣ». По этому же вопросу писалъ и Максимъ Грекъ.

Распространенное убѣжденіе о невозможности спасенія въ мірѣ имѣло свои практическія послѣдствія въ жизни Русскаго народа. Видя въ монашествѣ почти единственный путь ко спасенію, люди мірскіе, занятые повседневными житейскими заботами, за которыми имъ мало оставалось времени для удовлетворенія собственно религіозно-нравственныхъ потребностей, вполнѣ проникались тою мыслью, что въ мірѣ дѣйствительно невозможно получить спасеніе. Убѣжденіе, что весь окружающій человѣка міръ, всѣ разнообразныя жизненныя отправленія въ ходѣ общественнаго строя, семейныя узы и проч.,—что все это составляетъ препятствіе для нравственной усовершаемости человѣка, послужило дѣйствительнымъ тормазомъ въ нравственномъ развитіи Русскаго общества. Понятіе о мірѣ, какъ о чемъ-то зломъ, на каждомъ шагу полагающемъ

человѣку тѣ или другія препятствія въ дѣлѣ достиженія спасенія, съ одной стороны слишкомъ тяжелое и прискорбное для человѣка, съ другой—стало утилизироваться имъ же самимъ къ практической своей выгодѣ и въ противовѣсъ истинному понятію о нравственности. Міръ, житейскія заботы скоро обратились въ предметъ извиненія въ упущеніи тѣхъ или другихъ нравственныхъ обязанностей. Многіе увѣряли себя, что они, какъ люди мірскіе, слѣдовательно непремѣнно окруженные всѣми соблазнами и искушеніями, такъ щедро предлагаемыми міромъ, что они по тому самому немогутъ исполнять и неимѣютъ у себя столько нравственныхъ силъ, чтобы выполнять всѣ нравственныя обязанности, возлагаемыя на нихъ званіемъ истиннаго христіанина. Путемъ подобныхъ соображеній многіе послѣдовательно приходили къ тому убѣжденію, что имъ, какъ мірскимъ людямъ, вовсе небезусловно необходимо исполнять непремѣнно всѣ христіанскія обязанности, — это сверхъ ихъ силъ, а они могутъ исполнять только нѣкоторыя изъ нихъ. Иначе, — разсуждали подобнаго рода люди, зачѣмъ же существуетъ монашество, если спасеніе достижимо и среди міра и въ пустынѣ, и если христіанскія обязанности и иноковъ и мірянъ однѣ и тѣже. Въ такомъ случаѣ теряло смыслъ существованіе монашества. Если же оно тѣмъ неменѣе существуетъ, то тѣмъ самымъ указываетъ на неодинаковость нравственныхъ обязанностей тѣхъ и другихъ. Значитъ, если уже кто, то только иноки, какъ люди отрѣченные отъ міра, обязаны со всею строгостью выполнять въ своей подвижнической жизни всѣ христіанскія нравственныя обязанности. Имъ, и только имъ однимъ, «ни жены, ни дѣти, ни рабы о сихъ (т. е. о исполненіи евангельскихъ заповѣдей) повреждаютъ нижѐ понуждаютъ покланятися вещемъ и о суетныхъ упражнятися и отъ добрыхъ отпадати, но ко Богу токмо взирати». Совершенно иное дѣло—положеніе мірянъ: имъ можно и даже должно сдѣлать снисхожденіе, послабленіе. Конечно, такія соображенія прилагались всегда и къ жизни. Слѣдствія этаго понятны. Многіе извиняли себя слабостями мірскаго человѣка во многомъ такомъ, что вовсе несвойственно всякому христіанину. На такаго рода людей, игнорировавшихъ многія нравственныя обязанности, послѣдовали обличенія, которыя вызвали, въ свою очередь, отвѣты и особеннаго рода возраженія и разсужденія. Вотъ одно изъ обличеній: «да никто извѣта имаетъ, говорится въ одномъ поученіи, яко въ міру живый съ женою и съ дѣтьми и печаль о дому имѣя, не глаголите—не могу Богу угодити, видимъ бо многы угодники Божія въ міру и заповѣди Его творяща». На требованіе пастырей стараться о соблюденіи всѣхъ христіанскихъ обязанностей многіе въ полномъ сознаніи своей правоты отвѣчали: «како можемъ съ подруженіемъ живяще и въ печалѣхъ сущи чернечески жити». Важно въ отвѣтѣ выраженіе «чернечески жити». Мысль его та именно, что только инокамъ обязательно исполненіе всѣхъ христіанскихъ обязанностей, а не мірянамъ, такъ какъ, по понятіямъ того времени, только на иноковъ возла-

галось исполненіе всего христіанскаго закона. Замѣчательны съ этой стороны слова митрополита Даніила. Онъ передаетъ слѣдующее возраженіе нѣкоторыхъ изъ его современниковъ: «ты же глаголеши, говоритъ онъ словами возраженія, домъ имѣю, и жену и дѣти и рабы и многы печали житейскія, како могу сія (т. е. всѣ евангельскія заповѣди) съхранити человѣкъ мірянинъ сый? Сія бо инокихъ есть, иже вся земная преобидѣвшихъ, себѣ же и Богу Единому внимающихъ». Какъ понималось въ то время требованіе пастырей о тщательномъ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, это видно опять изъ словъ Даніила. На его пастырскія увѣщанія быть ревностными исполнителями всѣхъ нравственныхъ предписаній, завѣщанныхъ намъ Христомъ и Его церковью, ему отвѣчали: «ты и намъ повелѣваеши въ лѣсы и въ пустыни отходити и инокомъ быти»? На опроверженіе установившагося между многими изъ его современниковъ мнѣнія о невсеобщей обязательности всѣхъ нравственныхъ христіанскихъ заповѣдей и написано Даніиломъ цѣлое слово, самое оглавленіе котораго ясно указываетъ цѣль и предметъ написанія его. Названіе этаго слова слѣдующее: «Вси убо человѣцы маліи же и велици и всякъ кійждо насъ пріемлей божественное крещеніе и евангельскія заповѣди Господни должни есмы всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею обоя сія соблюдати яко же обѣщаніе наше еже въ святѣмъ крещеніи также и евангельскія заповѣди Христовы».

III.

ОДНОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ ГОСПОДСТВОВАВШИХЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ.

Односторонній взглядъ на бракъ.—Современный взглядъ на личность женщины.—Древне-Русскій взглядъ на женщину, какъ жену.—Современный взглядъ на воспитаніе дѣтей.—Положеніе рабовъ.—Двоякій взглядъ на нихъ современниковъ.—Ненормальное устройство древне-Русскихъ браковъ.—Послѣдствія его для брачущихся лицъ.—Существованіе разводовъ.

Идеалъ постничества, иночества глубоко вкоренился въ нравственной жизни нашего древняго Русскаго общества; онъ еще былъ высокъ и силенъ въ немъ даже и тогда, когда лица, задававшіяся цѣлью воплощать въ себѣ этотъ идеалъ, оказывались ниже своей цѣли и задачъ. Аскетическій взглядъ проходитъ сильнымъ колоритомъ чрезъ всю Русскую жизнь во всѣхъ ея отношеніяхъ — общественныхъ и семейныхъ. Нѣтъ ни однаго самаго второстепеннаго явленія древней Русской жизни, на которое бы аскетизмъ неположилъ свой особенный оттѣнокъ. Болѣе всего въ жизни Русскаго общества вліяніе аскетизма сказалось въ семейной жизни, посредствомъ которой вліяніе его переходило и на общественную жизнь. Вліяніе аскетизма на семейный бытъ Русскаго народа было односторонне и потому послѣдствія его оказывались не всегда благотворными и полезными для общества.

Основа семейной жизни—бракъ. Значеніе и важность его, освященныя христіанствомъ, несомнѣнны. Христіанство первое создало семью въ смыслѣ духовно-нравственнаго союза — союза одинаково священнаго и для церкви и для общества. Какъ богоучрежденное и облагодатствованное установленіе, бракъ по самому этому долженъ считаться однимъ изъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ отправленій жизни всякаго общества, безъ котораго немыслимо самое существованіе общества. А между тѣмъ аскетическія воззрѣнія, занесенныя къ намъ изъ Византіи и вкоренившіяся въ жизнь Русскихъ, проводили и воспитывали въ нихъ нѣсколько иные взгляды на бракъ. Мало того, подъ вліяніемъ чуждаго Русской почвѣ аскетизма, предъ нимъ преклонялась и наша, хотя и бѣдная церковная письменность. Подъ обоюднымъ воздѣйствіемъ этихъ двухъ условій и выростаетъ и среди Русскаго общества взглядъ на бракъ, какъ на что-то неполезное и даже какъ на «скверное беззаконіе». Съ этой точки зрѣнія и самыя естественныя отношенія людей, вытекающія изъ особенностей и потребностей ихъ природы для многихъ въ то время казались чѣмъ-то нечистымъ. «И къ своей женѣ приблизитися не зѣло чисто», поучаетъ одинъ строгій древній моралистъ.

Проникнутый аскетизмомъ взглядъ на бракъ тѣмъ самымъ предрѣшалъ судьбу и семейное и общественное положеніе Русской женщины. Въ древней Русской письменности, подобно какъ и въ Византійской, женщина является предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній, изображавшихъ и рисовавшихъ ее во всѣхъ чертахъ грѣховной ея жизни. Женщина обратилась тогда въ типъ всего злаго. Она представлялась для аскетической мысли постояннымъ, неисчерпаемымъ соблазномъ. Однимъ словомъ, по аскетическому воззрѣнію, личность женщины сама по себѣ уже заключала что-то злое, она въ глазахъ Русскихъ стала существомъ злымъ и даже источникомъ зла. Основная идея опредѣленія нравственной личности женщины заключалась въ аскетическомъ убѣжденіи, что «отъ жены начатокъ грѣху, и тою умираемъ вси». Нечего было ждать отсюда ничего хорошаго въ понятіи о нравственной личности женщины. Понятіе о ней могло идти и развиваться въ одномъ указанномъ уже направленіи. И дѣйствительно развивалось. Она сдѣлалась синонимомъ и источникомъ зла, такъ какъ аскеты учили, что «женъ ради вся злая бываютъ». Если такъ низко стояла женщина вообще, то также болѣе въ одну дурную сторону третировались и ея умственныя, нравственныя и, наконецъ, внѣшнія качества. Мы находимъ самое недостойное для женской личности понятіе о ея умственныхъ способностяхъ. Если скажемъ словами однаго древняго памятника, который отзывается, что «умъ женскій не твердъ аки храмъ непокровень», то это покажется весьма лестнымъ отзывомъ для древне-Русской женщины. Но главнымъ образомъ, начало всякихъ обвиненій, обличеній и даже поношеній женской личности сосредоточивалось на ея нравственныхъ качествахъ. Она съ этой стороны разсматривалась,

какъ воплощенная слабость и шаткость нрава и олицетвореніе всякаго коварства и лукавства. Въ нравственномъ характерѣ женщины отрицалась прирожденная способность и склонность ко всему истинному; совершенно наоборотъ утверждалось, что въ женахъ «мало истины», женщинѣ, напротивъ, болѣе всего усвоялась постоянная склонность ко всему злому: «женскій родъ ползокъ къ паденію». Женщина, по представленію древнихъ Русскихъ книжниковъ, нетолько необладала твердостью своихъ нравственныхъ началъ, но она уловляла и другихъ и ихъ одновременно съ собою влекла къ паденію; «жены честныхъ мужъ душа уловляютъ». Аскетическіе умы древней Руси нещадили и самой внѣшности женщинъ. Красота лица и наряды женщины являлись для нихъ самыми вопіющими предметами соблазна и грѣха и бичевались съ ожесточеніемъ. Одинъ простый взглядъ на женщину считается грѣхомъ, такъ какъ пастыри поучали народъ въ такихъ словахъ и наставленіяхъ, какъ напр. слово: «еже всякъ воззрѣвый на жену согрѣшаетъ». На этомъ основаніи запрещалось даже смотрѣть на женщину, какъ на что-то постоянно влекущее ко грѣху. «Блюдитеся воззрѣнія на лица женская, яко тѣ и святыхъ соблазниша», «отврати очи твои отъ жены красны», потомучто «красота личная (женщины) душу и тѣло губитъ»; «отвращай очи отъ жены красны, любодѣяніе бо жены въ высотѣ очію, неводъ бо есть сердце ея, и сѣти—уды ея, и узы въ руку ея, и ловленіе бесѣды ея... въ добротѣ женстѣй мнози заблудиша»—и другія, подобныя симъ, наставленія были постоянными въ устахъ представителей тогдашняго Русскаго благочестія. Еще болѣе опаснымъ казалось говорить съ женщинами, а потому они настоивали на томъ, чтобы благочестивые мужи избѣгали вести разговоры съ женщинами. «Бѣжи бесѣдъ женскихъ», «подобаетъ бесѣдъ женскихъ бѣжати», «бѣгай повѣстей женскихъ», и прочее въ этомъ же родѣ постоянно твердили древніе учители благочестія. Представляя женщину не иначе, какъ предметомъ всевозможныхъ соблазновъ, въ разговорахъ съ нею они видѣли большую опасность для цѣломудрія. «Глаголаніе женско волненіе велико и сѣть многоплетена», вотъ какъ картинно изображалась опасность женскихъ разговоровъ, и потому утверждали, что «бесѣдуяй съ женами многи язвы души своей наведетъ, такъ какъ бесѣдованіе женско яко стрѣла въ сердце уязвляетъ». Для того, чтобы показать всю опасность, какая ожидаетъ человѣка—поклонника женскихъ разговоровъ, прибѣгали къ самымъ оригинальнымъ и невыгоднымъ для женщины сравненіямъ: «яко желѣзо кременіемъ біемо смердящимъ каленіемъ износитъ огнь, сице бесѣда мужу съ женою». Даже разговоры съ женщинами о религіозныхъ предметахъ, и тѣ считались опасными и вредными для цѣломудрія человѣка, особенно монаха. Въ намѣреніи, женщины побесѣдовать о благочестіи видѣли болѣе лукавство съ ея стороны, чѣмъ искреннее желаніе ея сердца и потребность религіозной души. Подъ вліяніемъ подобныхъ воззрѣній не всякій благочестивый человѣкъ древней Руси могъ смотрѣть на женщину, какъ на человѣка

въ нравственномъ отношеніи совершенно тождественнаго себѣ, и на этомъ основаніи установлять истинно-человѣческія отношенія къ женщинѣ. Напротивъ, подъ вліяніемъ ихъ, онъ болѣе склоненъ былъ видѣть въ женщинѣ опасность для себя, предметъ соблазновъ и скорѣе соглашался со своими наставниками, учившими, что «равно есть и въ огнь и въ жены впасти», и едва невозводившими женскую личность въ злое стихійное начало, когда они находили во всемъ мірѣ троякаго рода зло: «море, и огнь, и жена — три злая». Такимъ образомъ личность женщины ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ, ни въ другихъ отношеніяхъ непользовалась вниманіемъ древнихъ Русскихъ мудрецовъ. Съ понятіемъ женщины соединялось непремѣнно все предосудительное и опасное для нравственнаго чувства. Отсюда понятно, что такіе эпитеты и названія, съ которыми соединялось имя женщины въ древнихъ поученіяхъ, каковы: «злое острое діаволе оружіе», «діаволя стрѣла», «источникъ злобы», «сокровище нечистотъ», «хоругви адовы», «святымъ обложница», «покоище змѣино, діаволь увѣтъ, дневная блядь, гостиница несонная, купница бѣсовская, безсудный звѣрь, невосхлащенная узда, тайнамъ обличеніе, грѣхамъ учительница, несытная похоть, украшена ехидна, всемірная смерть», «сука бѣсная»,«матерь похотѣмь» и т. д., до нѣкоторой степени имѣли положительный смыслъ и значеніе для тогдашняго общества. Такіе взгляды на личность женщины проводились въ древне-Русской письменности въ поученіяхъ о добрыхъ и злыхъ женахъ, о женахъ злыхъ и самовластныхъ и проч. Положимъ, такія воззрѣнія на женщину большею частью возникали на монашеской почвѣ, въ средѣ монаховъ, и потому на основаніи ихъ однихъ судить о положеніи женщины въ древней Руси было бы односторонне. Но здѣсь необходимо нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что самая древне-Русская книжность и письменность развита была и исходила преимущественно изъ монастырей и по своему характеру и содержанію сосредоточивалась исключительно на религіозныхъ предметахъ, которыми главнымъ образомъ и жило все древне-Русское общество. Монастыри были разсадниками просвѣщенія и изъ стѣнъ ихъ выходили и распространялись по всей Руси тѣ или другія воззрѣнія, которыя и прививались къ жизни Русскаго народа.

Мы представили теоретическій взглядъ на женщину древне-Русскихъ книжниковъ,—на женщину въ ея отвлеченіи, in abstracto. Конечно, какъ бы сильно ни былъ развитъ односторонній аскетизмъ, онъ немогъ окончательно уничтожить всякій проблескъ уваженія, котораго всегда достойна женщина. Въ частностяхъ и аскеты преклонялись предъ авторитетомъ женщины и писали ей панегирики, какіе мы встрѣчаемъ въ словахъ «о добрыхъ женахъ», гдѣ женщина, какъ жена называется «вѣнцомъ златымъ» мужа своего, «радостью дома», «дражайшего каменія драгаго и бисера многоцѣннаго». Но подобныя похвалы женской личности встрѣчались сравнительно рѣдко и скоро заглушались сыпав-

шимися на нее презрительными укорами и осужденіями аскетовъ. И вотъ, благодаря ихъ проповѣди, и выросъ на Русской народной почвѣ образъ «злой жены», который прилагался чуть не къ каждой женщинѣ въ частности, и создалъ для нея самое жалкое положеніе въ обществѣ и семействѣ.

Общее впечатлѣніе отъ представленныхъ воззрѣній на личность женщины получается самое тяжелое. Нечего говорить о томъ, что древне-Русской женщинѣ небыло равной части съ мужчиною. Самая женщина стала въ глазахъ Русскихъ чѣмъ-то злымъ, и даже источникомъ зла; она признавалась и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніяхъ несостоятельною; ея внѣшность и красота также порицались, какъ постоянный предметъ соблазна. Такимъ образомъ, личность женщины во всѣхъ отношеніяхъ была унижена, поругана. И чтоже послѣ этаго оставалось за женщиною, какъ личностью? Она являлась существомъ какимъ-то добавочнымъ, созданнымъ только для удовлетворенія потребностей чувственной природы и для отправленія домашнихъ нуждъ. Женщина, такимъ образомъ, обращалась скорѣе въ вещь, чѣмъ признавалась нравственною личностью, равноправною съ мужчиною. Теперь становятся вполнѣ понятны и тѣ наставленія и постоянныя запрещенія смотрѣть и бесѣдовать съ женщинами, какими наполнены многія древнія поученія. При всякой встрѣчѣ съ женщиною, и тѣмъ болѣе при разговорѣ съ нею, и положительно на каждомъ шагу она напоминала мужчинѣ о своемъ назначеніи, какое давалось ей, который, въ свою очередь, видѣлъ и приучался видѣть въ ней только средство для удовлетворенія своей грубой физической природѣ. Съ этой стороны, женщина дѣйствительно являлась только «матерью похотѣмъ».

Грубый взглядъ на женщину создалъ для нея самое жалкое положеніе и въ семействѣ, и въ обществѣ. Назначенная быть царицею семьи какъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе женщины въ семействѣ В. Я. Шульгинъ, она вмѣсто того обратилась въ вѣчную рабу и невольницу съ дѣтства и до гроба,—сначала отца, а потомъ мужа. Самое священное имя и положеніе матери несмягчало положенія женщины. Древне-Русская литература несоздала для себя даже болѣе или менѣе полнаго отчетливаго идеала женщины, какъ жены и какъ матери. Если хотѣли тогда изобразить прекрасныя нравственныя качества женщины, то изображали ее какъ подвижницу, постницу, аскета, но только не какъ жену и мать. Поэтому идеалъ древне-Русской женщины рисовался болѣе въ отрицательныхъ чертахъ. По справедливости можно сказать, что идеаломъ женщины въ древней Руси было отрицаніе нравственной личности женщины. Немыслимо было для того времени ставить въ одинаковое въ нравственномъ отношеніи положеніе мужа и жены, какъ первыхъ и равноправныхъ членовъ семьи. Всякія попытки къ тому получали отпоръ въ наставленіяхъ аскетовъ. Для этой цѣли служило руководительнымъ началомъ особенно слово св. Козьмы, еп.

Халкидонскаго «о томъ, како неподобаетъ жены своя звати госпожею». Первымъ достоинствомъ жены полагалось полное отрѣченіе ея отъ своей воли и желаній въ пользу деспотизма своего мужа. Такій принципъ вытекалъ изъ того положенія, что «мужа бо ради жена сотворена бысть, а не мужъ жены ради». На этомъ основаніи полное безотвѣтное послушаніе жены предъ мужемъ возводилось въ самую высокую добродѣтель женщины: «женамъ украшеніе паче злата умъ добръ—въ домѣхъ предъ мужемъ покореніе и послушаніе»; «буди, чадо тиха и смиренна и кротка», читаемъ въ одномъ наставленіи женщинѣ; «женѣ всякой красота молчаніе», говоритъ другое поученіе; «ты же, дщи, такъ поучаетъ пастырское наставленіе послѣ вѣнчанія, мужа имѣй во всемъ честна, и бойся его и го всемъ честь воздавай ему, а съ нимъ всегда спрашивайся о всякомъ дѣлѣ, понеже глава есть тебѣ», «мужнѣ волѣ повинуйтеся жены»; «научитеся жены молчати, да спасете свою душу... повинися (мужу) въ молчаніи» и др. подобныя наставленія сопровождаютъ едва не каждое наставленіе о женщинахъ. И благочестивые мужья древней Руси съ полнымъ удовольствіемъ воспринимали въ сердце наставленія о своемъ правѣ надъ женою и потомъ по-своему прилагали ихъ въ жизни. Ученіе о безусловномъ послушаніи жены обратило ее въ рабу мужа, что вполнѣ было естественно при тогдашней грубости нравовъ. Мужья, почему либо подпадавшіе подъ вліяніе своей жены, непользовались никакимъ уваженіемъ въ обществѣ; такъ какъ мужья очень хорошо принимали къ сердцу наставленіе: «недай женѣ наступати на крѣпость твою». Надъ такими мужьями даже смѣялись и—еще болѣе ругались: «не скотъ у скота коза, не звѣрь у звѣрей ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица у птицъ нетопырь», читаемъ мы въ древнемъ словѣ «о мірскихъ притчехъ и о бытійскихъ вещехъ», «не мужъ въ мужехъ, иже коимъ жена обладаетъ», «аще которымъ человѣкомъ владѣетъ жена лучше бы ему трясавицею болѣти, нежели злою женою обладану быти», говорится въ другомъ древнемъ памятникѣ. Какъ бы ни была послушна въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ жена, тѣмъ не менѣе она незаслуживала за свою вѣчную покорность и части должнаго ей уваженія. Мужъ нехотѣлъ довѣрять ей ни въ чемъ: «люто есть тому мужу, иже языка жены своея слушаетъ... языку убо, человѣче, жены своея николиже вѣруй, лучше есть злоба мужская, нежели льстивыя жены доброта». По установившимся понятіямъ патріархальной Руси предосудительнымъ считалось для мужа, если онъ вступалъ съ женою въ болѣе естественныя нравственныя отношенія и дѣлился съ нею тайнами своего ума и сердца. «Аще, братіе, хощете соблюстися отъ злыхъ женъ первѣе своей женѣ тайны не повѣждь»; «никакоже, человѣче, повѣждь тайны своея женѣ, да не погибнеши отъ нея, рѣдкая бо жена хранитъ тайну мужа своего»; «первое блюдися къ своей жены тайны повѣдати» и тому подобныя наставленія постоянно внушались мужьямъ, которые и слѣдовали имъ.

Такимъ образомъ, нравственное существо жены было закрыто для мужа, и мужъ со своей стороны нехотѣлъ открывать себя предъ своею женою. Жена въ семействѣ оставалась въ положеніи старшей служанки и связью между ею и ея мужемъ служилъ только страхъ предъ нимъ,— это тѣмъ болѣе, что, хотя въ то время поучалось, что мужъ «женѣ своей должную любовь да воздаетъ, и да чтитъ ея яко ребро пазушно и всегда о ней попеченіе творя и промышляя о всѣхъ всячески», но въ тоже самое время ему внушалось въ обязанность наказывать жену и при этомъ бить ее, хотя и «полегку, а не злобою»; но всетаки позволительно было пускать въ дѣйствіе и «жезлъ». Неимѣя никакого нравственнаго положенія въ семействѣ, лишенная довѣрія своего мужа, поставленная въ семьѣ почти наравнѣ со служанкою, женщина выносила на себѣ жалкую роль; она обратилась въ одно средство удовлетворенія потребностей ея мужа. Смотря на жену съ этой именно точки зрѣнія, мужъ старался сохранить ее только для одного себя и потому запиралъ ее, какъ вещь, подъ замокъ и запрятывалъ въ теремъ.

Отсутствіе нравственной связи между мужемъ и женою отражалось пагубнымъ образомъ и на молодомъ поколѣніи. Женщина въ семьѣ несла оковы рабства наравнѣ со своими дѣтьми. Смягчающее вліяніе матери вовсе устранялось изъ семейства, потомучто она въ немъ исполняла роль только ключницы, обязанной смотрѣть, чтобы дѣти были сыты и одѣты. На вліяніе женщины на дѣтей смотрѣли подозрительно, ей не особенно довѣряли; она не особенно внушала къ себѣ довѣріе и тогда, когда дѣлалось вдовою, самостоятельною личностью. И здѣсь ее давила иногда воля покойнаго мужа. «При животѣ дѣтемъ яви имѣніе свое предъ послухы (учили древніе Русскіе моралисты), а женинымъ льстемъ не ими вѣры... жена твоя бляднею утаивши имѣніе твое за мужъ пойдетъ и не будетъ ни тебѣ памяти, ни дѣтямъ твоимъ твоего стяжанія». Такое недовѣріе къ женѣ, матери своихъ дѣтей, проглядывало, конечно, не въ одномъ экономическомъ вопросѣ. По понятіямъ древне-Русскихъ моралистовъ связью между родителями и дѣтьми долженъ былъ служить только страхъ, на которомъ основывалось все воспитаніе. Дѣтямъ внушалось: «чада, покоряйтеся родителямъ своимъ аки Богу»; «родителя чтите яко Бога, тѣми бо познахомъ міръ». Покорность дѣтей дѣйствительно существовала, но она была рабская. Дѣти прямо и назывались «рабами рождьшаго»(т. е. отца) и по тогдашнему домашнему этикету «вельми рано» и «вечерѣ» поклонялись родителямъ (до земли), въ знакъ своей безусловной покорности предъ ними. Это, конечно, происходило отъ того, что самая родительская власть проявлялась въ отношеніи къ дѣтямъ въ слѣпомъ деспотизмѣ безъ нравственной силы. Всѣ воспитательныя средства непремѣнно приправлялись розгами и палками. Такій методъ считался самымъ раціональнымъ и основаннымъ на отеческой любви къ дѣтямъ: «любяй сына своего жезла на него нещади, наказай его въ юности, да въ старости покоитъ тя», «любяй сына сво-

его учащай раны, да послѣди о немъ возвеселишися», «аще имѣеши и сына учащай ему раны, аще будетъ жестокъ, сокруши ему ребро, да небезчеститъ старости твоея, непощади жезла на сына твоего»; «наказывайте дѣтей не словомъ точію, но и раною; да не пріимиши про него нынѣ отъ человѣка срама и будущихъ мукъ съ ними»; «подобаетъ отцемъ своихъ дѣтей добрѣ учити и казнити ранами», «преклони отъ юности выю ихъ (чадъ)», и многія другія подобныя наставленія создавали у дѣтей представленіе объ отцѣ, какъ полномъ олицетвореніи самой грозы; онъ былъ для нихъ воплощеніемъ страха. Со своей стороны и отецъ для усовершенствованія своихъ дѣтей считалъ необходимымъ употреблять, какъ болѣе надежное средство, палку противъ нихъ, руководясь правиломъ: «иже щадитъ жезлъ свой—ненавидитъ сына своего, а любяй его наказуетъ прилежно». Вреда отъ побоевъ непризнавалось: «аще біеши жезломъ—неумретъ, но паче здравіе будетъ». Идеализація отеческаго страха доходила до того, что тогда запрещалось проявлять къ дѣтямъ «ласки помилованія и лобзанія». Если тяжело было положеніе сыновей въ семействѣ, то еще болѣе оно было тягостно для дѣвицъ. У послѣднихъ развивали не одну безусловную покорность отцу, но «внимали тѣлу ихъ» и соблюдали ихъ «отъ тѣлесныхъ», «да не прокудятъ свое дѣвство». Еще болѣе понятно будетъ тягостное положеніе дѣвицъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что Русскіе того времени вообще нежаловали и нелюбили у себя рожденіе дочерей. «Ащеже Господи и не вельми о семъ порадовася (читаемъ въ одной древней благодарственной молитвѣ «о нарожденіи дочери»), но нарадуюся сему, еже Богъ возда». Для сохраненія чистоты дочери лучшимъ средствомъ считался замокъ въ теремѣ, откуда ее весьма рѣдко выпускали, ненадѣясь на ея честность. «Лучше въ домѣ коза, чѣмъ взросшая дочь, говоритъ одинъ древній моралистъ, коза по елицу ходитъ—молоко приноситъ, дочь по селицу ходитъ—стыдъ принесетъ отцу своему». Древніе моралисты больше говорили о томъ, какъ воспитывать и обучать, нежели чему обучать. Кругъ ученія былъ въ то время самый узкій. Ученіе дѣтей ограничивалось чисто формальною стороною религіи,—выполненіемъ обрядовъ, ненаучить которымъ для древне-Русскаго человѣка, конечно, казалось погибелью; но даже обученіе грамотности несчиталось особенно необходимымъ и потому оставалось въ совершенномъ пренебреженіи. И вотъ въ XVI в. мы видимъ, что даже князья и бояре были безграмотны. Неоднократно можно встрѣтить жалобы древнихъ Русскихъ книжниковъ на то, что одни родители вмѣсто того, чтобы наставлять своихъ дѣтей «духовнымъ», «спасенымъ», обучаютъ ихъ «нѣкымъ инѣмъ погибающимъ хитростемъ»; другіе же «чада своя буя и ненаказана видяще», тѣмъ неменѣе «худѣ радятъ о нихъ». Древнія педагогическія воззрѣнія разсѣяны во многихъ поученіяхъ, озаглавливающихся то «како дѣтямъ чтити родители своя», или—«отца и матерь», то «о чести родителей»; то «о казни чадъ», то «о наказаніи дѣтемъ» и проч.

Положеніе рабовъ въ древней Россіи было самымъ тягостнымъ. Христіанство неузаконило рабства, но оно категорически и невозставало противъ него, оно сживалось съ нимъ и со всякою формою жизни, давая ей иный, болѣе гуманный характеръ. Также именно относилась православная Русская церковь къ положенію несвободныхъ людей. Она всегда возвышала голосъ свой въ защиту угнетенныхъ. «Рабы водите (встрѣчаемъ мы такое древнее наставленіе), въ наказаніи учаще добрымъ нравамъ безъ прещенія и ранъ, разумѣюще яко и тіи Божіе созданіе, но намъ Богомъ дани суть на службу»; «въ работѣ сущая яко своя чада и уды любите (говорится въ одномъ предсмертномъ завѣщаніи отца къ сыновьямъ), старыя свободиша и пищу даже до смерти и вся потребная подавайта имъ»; «имѣй раба яко брата», а добраго раба «аки сына»—и другія многія подобнаго рода наставленія показываютъ, что болѣе благоразумные и достойные пастыри церкви сочувственно относились къ несвободнымъ людямъ и по возможности старались облегчить ихъ тяжелую участь. Къ сожалѣнію Русскіе домоправители болѣе слушались и сочувствовали тѣмъ наставленіямъ, которыя позволяли имъ учить и вразумлять своихъ рабовъ плетьми и палками. А такихъ наставленій немало. «Аще тя неслушаетъ рабъ (говоритъ древнее поученіе—«како имѣти челядь»), то казни его плетію и то не чрезъ силу, но яко мудрость Божія глаголеть: до шести ранъ или до десяти и двадцати, аще ли вельми зла вина, то до тридцати ранъ, а лише невелитъ, да аще накажеши его тако, то душу его спасеши и тѣло его избавиши отъ побоя людскаго»; «кажи раба (еще рѣшительнѣе говоритъ другое поученіе) и обрящеши покой, ослабиши ли руку ему и искати учнетъ свободы, иго и ремень выю преклоните и раба злобова узы и раны вложи въ дѣло да непразднуетъ». Руководствуясь такими правилами, господа деспотически и жестоко обращались со своими крѣпостными людьми. Кромѣ ужасной тираніи своихъ господъ, рабы или крѣпостные люди выносили много лишеній. Рѣдкій господинъ хорошо кормилъ своихъ рабовъ и слугъ, и они голодные и оборванные бродили по городу или селенію, просили милостыню, а по ночамъ нападали на прохожихъ съ цѣлью грабежа. Насколько необыкновенно было явленіе, чтобы господинъ давалъ хорошій столъ своимъ слугамъ и крѣпостнымъ, можно видѣть изъ того уже, что у Русскихъ крѣпостныхъ людей самымъ лучшимъ, идеальнымъ господиномъ считался тотъ, кто хорошо кормилъ. Даже строго благочестивые бояре и тѣ неособенно были много расположены надлежащимъ образомъ содержать своихъ рабовъ. Нѣкоторые несчитали нужнымъ быть къ нимъ снисходительными и милосердыми въ то самое время, когда они расточали богатыя милостыни лицамъ постороннимъ, совершенно оставляя собственныхъ рабовъ безъ поддержки «гладными, нагими и босыми». Послѣдствіемъ такаго порядка вещей было то, что рабы, «нетерпяще голоду и наготы», воровали, грабили. Обычай подавать милостыню постороннимъ, минуя своихъ близ-

кихъ лицъ, хотя бы послѣдніе и очень нуждались въ ней, настолько укоренился въ Русскомъ обществѣ, что вызвалъ особаго рода обличительныя слова, въ родѣ слова «яко подобаетъ творити милостыня прежде на домашнихъ своихъ». Вообще, весьма часто встрѣчаются въ поученіяхъ, касающихся отношенія къ рабамъ, наставленія «кормить ихъ до-сыта», «вдоволь», одѣвать ихъ, а не морить ихъ голодомъ и наготою. Нерѣдко и рабы, выведенные изъ терпѣнія произволами и деспотизмомъ своихъ господъ, убѣгали отъ нихъ «въ иную страну», т. е. разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, большею частью предварительно обкрадывая своихъ господъ.

Во взглядѣ на рабовъ древне-Русскаго общества проходятъ двѣ различныя струи. Съ одной стороны предъ нами выступаетъ гуманный взглядъ пастырей церкви, стремившихся облегчить участь несвободныхъ людей и указывавшихъ на тождество ихъ нравственной личности и равноправности ихъ со своими господами; съ другой—практически-утилитарный взглядъ доморощенныхъ моралистовъ, хотѣвшихъ окончательно закабалить раба и поставить его въ положеніе вьючнаго животнаго.

Въ положеніи древне-Русской семьи выдѣляется особенно личность отца. По теоріи семейной жизни, единственнымъ и безусловнымъ авторитетомъ въ домѣ становился отецъ семейства, а единственною и вѣрною связью въ семействѣ признавался покорный страхъ предъ его неприкосновенною личностью. Все предъ нимъ преклонялось въ семьѣ, начиная съ его жены и кончая послѣднимъ слугою. Ненормальность такаго положенія скоро обнаружилась самыми дурными послѣдствіями для семьи и общественной нравственности. По установившимся понятіямъ патріархальной Руси, отецъ семейства былъ полнѣйшимъ, неограниченнѣйшимъ властелиномъ и распорядителемъ всего того, что принадлежало къ району его семейства. Неограниченность отцовской власти дурно отразилась на положеніи его дѣтей. Въ рукахъ отца заключалась вся будущая судьба молодаго поколѣнія. Дѣти менѣе всего допускались къ участію въ рѣшеніи собственной судьбы и счастья. Браки ихъ устроялись властью отца. А въ рукахъ отца бракъ былъ только сдѣлкою между родителями обѣихъ сторонъ, а главнымъ двигателемъ ея—корыстолюбивый разсчетъ на матеріальныя выгоды. Притомъ, дѣти немогли особенно рѣшительно противиться заключаемому ихъ родителями браку и по тому уже, что при обычаѣ теремной жизни, очень часто случалось, что новобрачные и незнали другъ друга до самаго дня ихъ брака. Дѣло же сватовства устроивалось при содѣйствіи и чрезъ посредство свахъ, которыя, пользуясь большими подачками за свое ремесло, при веденіи дѣла, преслѣдовали свои личныя корыстныя цѣли, необращая вниманія на горькую судьбу, ожидающую тѣхъ лицъ, о бракѣ которыхъ онѣ хлопотали. А между тѣмъ имъ часто предоставлялись большія права, напр. смотрѣть невѣсту и дѣлать о ней отзывъ жениху и его родителямъ. Послѣдніе здѣсь, впрочемъ, интересовались болѣе

внѣшнимъ положеніемъ избираемой невѣсты; они болѣе всего старались о томъ, чтобы въ брачномъ союзѣ небыло оскорбленія ихъ рода. Такимъ образомъ, при заключеніи браковъ открывалось обширное поле для всякаго рода обмановъ. Если женихъ посылалъ посмотрѣть свою будущую невѣсту, или самъ устроивался, такъ-что могъ ее видѣть, то родители ея, ненадѣясь иногда на наружность и другія качества своихъ дочерей, подставляли одну дочь вмѣсто другой, поставляли красивыхъ и дородныхъ дѣвокъ изъ своихъ дворовыхъ, а для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья. Наконецъ дѣло улаживалось и бракъ заключался. И здѣсь только начинало мало-по-малу обнаруживаться все накопившееся зло. Если семейные разлады нерѣдки и тогда, когда бракъ заключается по взаимному согласію, то чтоже послѣ этаго можно сказать о бракахъ вынужденныхъ и соединенныхъ иногда со множествомъ обмановъ. Здѣсь въ первые же дни брачной жизни начинались разногласія. И тутъ-то часто приходилось супругу разочаровываться въ своей молодой женѣ и съ тойже минуты дѣлаться ея непримиримымъ врагомъ. Чѣмъ больше мужъ изучалъ свою жену, тѣмъ больше видѣлъ пропасть, раздѣлявшую ихъ одинъ отъ другаго. Начинались придирки и критическое отношеніе къ недостаткамъ своей жены. Объ этомъ мы узнаемъ изъ обличеній митрополита Даніила: «Неглаголи (обличаетъ онъ), яко онаго жена добролѣпна, и оваго премудра, художествена, чадоуплодоносима, добролѣпна, благопокорна, любомудра; моя же не сицева, но безумна, и ненавистна ми есть; небуди такъ ты къ ней клеветникъ тяжекъ»... Со своей стороны и молодая жена часто въ навязанномъ ей мужѣ видѣла далеко не то, что она хотѣла видѣть въ своемъ суженомъ. Съ той и другой стороны являлось недовольство, а за нимъ росли и непріятности, и ссоры. Смотря по характеру лицъ, связанныхъ невольнымъ бракомъ различно, слагалась семейная жизнь брачущихся. Были, конечно, личности, которыя сживались со своею горькою судьбою и всю жизнь безропотно несли навязанное имъ бремя. Но много было и такихъ, которые безъ борьбы неотдавали себя на произволъ своей судьбы. Находилось немало такихъ лицъ, которыя пытались отыскать выходъ изъ своего положенія, съ какими бы то трудностями ни соединялось это. Дѣйствительно, много, много выпадало борьбы на долю того, кто поставилъ себѣ непремѣнною задачею и цѣлью — во что бы то ни стало разорвать брачную связь съ женщиною, къ которой онъ ничего неиталъ, кромѣ вражды и ненависти. Исходъ представлялся одинъ, именно разводъ. Но здѣсь поперекъ дороги становилась жена. Съ представленіемъ о женѣ, какъ препятствіи къ свободѣ, обманутый или разочарованный мужъ обрушивался всѣмъ своимъ гнѣвомъ на несчастную жену. Если и безъ того уже у каждаго мужа находилась исключительно предназначенная для жены плеть подъ названіемъ «дуракъ», которою жену били какъ скотину, то теперь несчастная женщина дѣлалась жертвою постоянныхъ и страшныхъ истязаній. Мужъ немилосердно пре-

слѣдовалъ ненавистную свою жену, гналъ ее и совѣтовалъ ей убраться въ монастырь, чтобы развязать ему руки. Въ случаѣ отказа истязанія возобновлялись и производились съ удвоеннымъ стараньемъ. Помимо того постоянныя придирки, неосновательныя подозрѣнія нравственно убивали женщину. Въ такомъ ужасномъ и поистинѣ отчаянномъ положеніи женѣ ничего неоставалось болѣе, какъ удалиться въ монастырь. Тамъ, по крайней мѣрѣ, если ее неожидало счастье, то она находила нѣкоторый душевный покой и избавлялась отъ вѣчныхъ побоевъ жестокаго мужа. Невсякая однако женщина могла рѣшиться промѣнять семейную жизнь на мертвый покой монастыря, особенно если она имѣла дѣтей. Привязанность къ нимъ заставляла ее пренебрегать мученіями, которыя приходились на ея долю отъ суроваго мужа. А между тѣмъ послѣдній неунимался и продолжалъ свои истязанія по отношенію къ своей женѣ, надѣясь въ концѣ концевъ все-таки склонить ея волю и упрятать подальше въ монастырь. Здѣсь-то иногда постоянныя побои и истязанія мужа доводили жену до умопомѣшательства. Указаніе на это мы находимъ у митрополита Даніила. «Ты же (обращается онъ къ своимъ современникамъ въ строгообличительномъ тонѣ, послѣ наставленія любить свою жену), грызеши ея (жену) непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоего свирѣпства; престани тако творя, о человѣче»! Несчастьемъ жены мужъ хотѣлъ удобно пользоваться, чтобы окончательно порвать съ нею брачныя узы съ цѣлью, если будетъ возможно, смѣнить ихъ на болѣе выгодныя и пріятныя. Сумасшествіе жены и служило для него благопріятнымъ поводомъ для того, чтобы начать дѣло о разводѣ. Всегда ли,—что едва ли можно допустить,—удавалось ему здѣсь достигнуть завѣтной цѣли, но что подобныя попытки существовали и были нерѣдки, на это есть указанія въ четырнадцатомъ словѣ соборника митрополита Даніила, гдѣ онъ, настоивая на мысли о нерасторжимости христіанскаго брака въ числѣ существовавшихъ, хотя и недѣйствительныхъ мотивовъ къ его расторженію, признаетъ доводы нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, ссылавшихся на случай «аще ума изступити и бѣсноватися единому отъ сихъ (находящихся въ бракѣ) прилучится». Гораздо болѣе имѣлъ шансовъ на успѣхъ въ разводѣ тотъ, кто съумѣлъ спровадить свою нелюбимую жену въ монастырь. Здѣсь на его сторонѣ было больше правъ на разводъ. Что дѣйствительно разводы въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены, и по тѣмъ самымъ побужденіямъ происходили въ XVI в., объ этомъ свидѣтельствуетъ Герберштейнъ. Онъ же упоминаетъ и о томъ, что фактъ разводовъ, противныхъ религіи и церковнымъ установленіямъ, тщательно скрывался. Послѣднее сообщеніе проливаетъ свѣтъ и объясняетъ до нѣкоторой степени бѣдность историческихъ фактовъ о разводахъ въ древне-Русскомъ обществѣ. Число искавшихъ развода и права на вступленіе въ новый бракъ увеличивалось насильственными постриженіями изъ политическихъ цѣлей. Жена, оставшаяся послѣ насильственнымъ образомъ отнятаго у

нея и отправленнаго въ монастырь мужа, какъ ни въ чемъ неповинная въ его проступкѣ, естественно могла не безъ основанія хлопотать о дозволеніи вступить въ новый бракъ. Такимъ образомъ, условія, въ которыхъ поставлена была семейная и общественная жизнь, складывались сами собою такъ, что увеличивали собою число брачныхъ расторженій. Памятники сохранили для насъ указанія на факты развода. Герберштейнъ разсказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ состоялся разводъ князя Василія Бѣльскаго изъ-за того, что его молодая жена была задерживаема въ Литвѣ его друзьями, хотѣвшими тѣмъ самымъ заставить его воротиться на мѣсто прежняго его жительства. Насколько законные и незаконные разводы, или по крайней мѣрѣ требованія на нихъ были сильно развиты въ первой половинѣ XVI в.,—въ пользу этаго говоритъ самая настойчивость митрополита Даніила, съ которою онъ вооружается противъ развившагося среди современнаго ему общества зла. Онъ посвятилъ этому предмету три слова, чего онъ недѣлаетъ ни въ отношеніи ни къ какому другому общественному для того времени вопросу, за разрѣшеніе которыхъ онъ брался. Была впрочемъ нѣсколько иная причина, почему митрополитъ долженъ былъ остановиться на разсужденіи о случаяхъ позволительности и непозволительности развода. Допущенный митрополитомъ вопреки церковнымъ постановленіямъ разводъ въ отношеніи къ великому князю подалъ прекрасный поводъ и другимъ, особенно изъ сильныхъ и вліятельныхъ людей искать себѣ подобнаго же снисхожденія у церковной власти, но что, конечно, невсегда духовная власть соглашалась исполнять. А такъ какъ все-таки фактъ развода существовалъ и для всѣхъ былъ хорошо извѣстенъ, то митрополиту Даніилу и пришлось по этому поводу вступить въ письменныя объясненія со своею паствою и представить ей истинныя причины, по которымъ только и можетъ быть произведенъ разводъ, тѣмъ снять съ себя отвѣтственность за неисполненіе незаконныхъ требованій касательно расторженія браковъ.

IV.

Общественные недостатки и пороки.

Развратъ въ высшемъ классѣ.—Потворенныя бабы.—Развратъ въ простомъ народѣ.—Противоестественный развратъ—содомство.—Лѣность и праздность въ Русскомъ народѣ.—Обжорство Русскихъ бояръ.—Пьянство.—Разгулъ во время праздниковъ.—Развратныя пиршества.—Увеселенія Русскихъ.—Музыка, пляски, позоры.—Отрицательный взглядъ на нихъ моралистовъ.—Труппы скомороховъ и ихъ сценическія представленія.—Страсть Русскихъ къ зрѣлищамъ.—Сквернословіе въ Русскомъ народѣ.—Развлеченіе высшаго класса—охота.—Роскошь въ высшемъ классѣ общества.—Роскошь въ одеждѣ, сапогахъ, ожерельяхъ, пуговицахъ, поясахъ.—Убранство головы и завиваніе и украшеніе волосъ.—Уваженіе къ бородѣ.—Распространеніе обычая брить бороду.—Употребленіе мужчинами румянъ и другихъ косметическихъ принадлежностей для лица.—Типъ современнаго волокиты.—Употребленіе румянъ въ женскомъ обществѣ.—Его крайности.—Послѣдствія роскошной жизни.—Угнетеніе низшаго класса высшимъ.—Несправедливость и обирательства властей и судей.—Ябедничество, какъ средство для легкой наживы.—Отсутствіе нравственной связи между членами Русскаго общества.—Грубость въ проявленіи милости къ бѣдняку.—Постоянные доносы другъ на друга.—Мѣстничество.—Страсть къ интригамъ и пересудамъ.—Поединки.

Ненормальное положеніе семейной жизни дало собою начало нравственному упадку древне-Русскаго общества. Представители семьи—мужъ и жена непользовались въ ней равными правами, женщина была въ ней нравственно обезличена и это, кажется, прежде всего и привело къ семейному разврату. Между мужемъ и женою не существовало нравственной связи. Жена была только рабою мужа, рабою его желаній и требованій. Мужъ видѣлъ въ своей женѣ болѣе всего средство для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ и смотрѣлъ на нее съ этой грубо-физической стороны. Такія отношенія конечно немогли долго сохранять взаимнаго расположенія между мужемъ и женою. Послѣдняя, какъ предметъ новизны, сначала обращала на себя вниманіе мужа, но это могло продолжаться недолго. Интересъ новизны съ теченіемъ времени утрачивался для мужа, и послѣдняя внѣшняя связь между мужемъ и женою прерывалась. Мужъ, полновластный владыка своего дома, начиналъ подъискивать себѣ новый предметъ для удовлетворенія животныхъ инстинктовъ. Вниманіе его ближе всего останавливалось на окружающихъ его служанкахъ и весьма часто случалось, что господа вступали въ связь съ женщинами изъ своей собственной дворни. А если бывало, что со стороны излюбленной женщины слѣдовалъ отказъ, то домовладыки этимъ неособенно затруднялись. Они запирали своихъ женъ подъ замокъ, а сами насиловали своихъ рабынь, необращая вниманія на ихъ мужей, и растлѣвали дѣвицъ. Если господинъ занималъ высокій постъ въ городѣ, напр., воеводы, то его развратная юрисдикція простиралась еще далѣе. Находились такіе представители власти, которые просто отнимали красивыхъ женъ у своихъ подчиненныхъ, а если у нихъ были, кромѣ того, нравящіяся имъ взрослыя дочери, то

не щадили и этихъ послѣднихъ и растлѣвали ихъ. Голосъ обличителей раздавался, но, какъ видно, слабо. Мы встрѣчаемъ пастырскія внушенія «княземь и властелемь не отымати у мужей женъ, ни прилѣплятися имъ»; они же учили «ни дщерей неотымайте, ни дѣвъ срамляйте». Но эти обличенія не дѣйствовали; напротивъ, мы слышимъ только слова отчаянія и удивленія обличителей и ихъ горькое сѣтованіе на царившее зло въ обществѣ. «Толико ли рекше творяще, читаемъ мы въ одномъ древнемъ словѣ, надѣетеся отчину удержати, а житіе имуще скверно и прелюбодѣйно, жены скверняще, дѣвицы тляще, и волочаще, и къ сему суть и ино зло творяще тай, еже срамно писати и глаголати». Что это за зло, о которомъ скромно умалчиваетъ авторъ слова, увидимъ ниже. Но развитый инстинктъ развратника неудовлетворялся тѣмъ, что достигнуто безъ борьбы, безъ интригъ. Онъ требовалъ себѣ новыхъ жертвъ внѣ того района, гдѣ онъ свободно могъ располагать судьбою женщины. Здѣсь уже открывалось поле для интригъ. Случалось, что испорченному до мозга костей господину нравилась жена его собрата по положенію въ обществѣ. Здѣсь уже насиліе немогло имѣть мѣста; вмѣсто него пускались въ дѣло интриги. Человѣкъ, котораго задѣто чувство, нещадилъ средствъ, чтобы достигнуть цѣли. Особенно въ этомъ случаѣ развратникамъ помогали слуги. За деньги для нихъ представлялось и чрезъ нихъ дѣлалось возможнымъ многое такое, что казалось для другихъ едва достижимымъ. На подобные факты указываетъ митрополитъ Даніилъ. «Всю свою крѣпость издавъ (обличаетъ митрополитъ) въ сласти плотскія и о сихъ радуяся и веселяся, забылъ писаное радоватися о Господѣ Бозѣ и паче будущихъ благихъ... Желая блудныхъ сластей насыщатися и о сихъ весь умъ свой непрестанно имѣя, слугамъ же на блудная сія бѣсовская дѣянія много сребра и злата истощеваеши; и что много считати всякая мечтанія и прелесть вѣка сего и всѣхъ мученій бѣсовскихъ веліе сокровище бываеши къ плотскимъ и мимотекущимъ весь преклонилса и присно къ блудницамъ зряй и самъ себѣ многимъ блудницу сотвори».... Многіе изъ Русскихъ князей и вельможъ того времени вели развратный образъ жизни, отчасти вынужденные обстоятельствами. Многіе изъ нихъ, занятые государственной службой, принуждены были оставлять своихъ женъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія оскверняли себя гнуснымъ распутствомъ, и тамъ на сторонѣ заводили себѣ любовницъ. Вообще, знатные Русскіе бояре въ то время и дома свободно держали у себя любовницъ и въ тоже время несчитали для себя преступнымъ пользоваться своими служанками. Общественная снисходительность дошла до того, что мужчинѣ развратъ и невмѣнялся даже въ преступленіе. Многіе, чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха соблюденіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напр., снимали съ себя крестъ и завѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Какъ ни поразительно такое явленіе, но тѣмъ неменѣе оно существовало. Объ этомъ свидѣ-

тельствуютъ и наставленія въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «аще иконы въ клѣти и крестъ честный мужу съ женою достоитъ быти, не въ грѣхъ бо своя жена, а холостымъ съ чужею-не быти». Односторонняя и своеобразная въ смыслѣ преобладанія формализма религіозность служила въ данномъ случаѣ для многихъ Русскихъ оправданіемъ и защитою ихъ безнравственности. Какое жалкое заблужденіе! Митрополитъ Даніилъ глубоко огорчался такимъ превратнымъ пониманіемъ нравственныхъ христіанскихъ обязанностей и сильно обличаетъ за это своихъ современниковъ. Послѣ обличенія ихъ въ томъ, что они «присно зрятъ къ блудницамъ», пастырь съ горечью въ душѣ говоритъ далѣе: «и еще всего окаяннѣе, яко ни мало рыдаеши и плачеши, аки ничтоже зла сотворивъ, ничтоже согрѣшивъ, яко свинія въ калѣ уваляяся, жируеши; умъ же имущіи и о воззрѣніи неподобномъ не мало плачуще рыдаютъ и слезы изливаютъ, ибо Господь на сія не мало осужденіе положи... ты же сія ни во что полагаеши».

Не всегда спасалась отъ разврата и женщина. Униженная, постоянно оскорбляемая своимъ мужемъ, она за свое униженіе иногда платила тайною измѣною. Ни запоры, ни терема неспасали ихъ отъ паденія. Духъ распущенности проникалъ и сквозь крѣпкіе запоры теремовъ. Въ замѣнъ и въ противовѣсъ рабству, какое жена выносила отъ своего мужа, въ ней рождались и развивались коварство и обманъ. Эти свойства иногда достигали у женщинъ самыхъ утонченныхъ формъ, и ими то онѣ и пользовались для того, чтобы отъискать себѣ любовника на сторонѣ, помимо мужа. Достигалось это такимъ образомъ. Здѣсь, какъ и у мужа, играли роль пособниковъ и пособницъ къ разврату слуги и служанки. Они вводили въ домъ разныхъ торговокъ, гадальщицъ и проч., которыя составляли особый классъ женщинъ или «потворенныхъ бабъ, что молодыя жены съ чужими мужьями сваживаютъ». Потворенныя бабы вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно внѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно. Онѣ втирались иногда въ дома знатныхъ въ видѣ богомолокъ. На колодезѣ, рынкѣ или рѣкѣ съ бѣльемъ эти соблазнительницы заводили знакомство со служанками, а тамъ доходили до господъ. Нѣкоторыя изъ такихъ пособницъ разврата доводили свое ремесло до такаго искусства и утонченности, что разомъ одна и таже женщина служила мужу отъ жены и женѣ отъ мужа. Русскія женщины небыли даже недоступны и для иностранцевъ: «женщинѣ соблудить съ иностранцемъ, говорили онѣ, простительно; дитя отъ иностранца родится—крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе, некрещеная вѣра множится».

Въ простомъ народѣ развратъ принималъ наглыя формы. Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда: голыя, напр., выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и зазывали къ себѣ охотниковъ. Развратъ увеличивался еще множествомъ

бродячаго люда. Одни принимали на себя видъ богомольцевъ; другіе же шатались изъ одной любви къ бродяжничеству. Въ поученіяхъ находятся обличенія тѣмъ, «иже ходятъ по святымъ мѣстамъ, творятъ молитвы дѣля, калицы нарицаются и съ женами невозбранно живутъ, аки пси и свинія въ калѣ». Нѣсколько позднѣе (въ началѣ XVII в.) развратъ доходилъ уже до самой крайней степени. Патріархъ Филаретъ обличаетъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за ссуженную сумму. Но если мужъ невыкупалъ своей жены въ назначенный срокъ, то заимодавецъ передавалъ ее за выкупъ другому, другой — третьему и т. д. Разложеніе семейства впослѣдствіи достигаетъ крайняго предѣла. Въ началѣ XVII в. раздается голосъ, обличающій во всеуслышаніе, что нѣкоторые, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми, что по словамъ обличителя «и въ поганыхъ и незнающихъ Бога необрѣтается».

Нравственный упадокъ древне-Русской жизни невыражался въ одной естественной своей формѣ. Онъ принималъ самые противоестественные виды, какіе только могъ изобрѣсть растлѣнный умъ человѣка. Особенно въ XVI в. развито было содомство или мужеложство. Рѣдко можно встрѣтить хотя одно древнее слово съ обличительнымъ характеромъ, гдѣ бы ни бичевался этотъ ужасный порокъ того времени: «содомское блуженіе» и «еже къ юнымъ (отрокамъ) любовь». Точно также во многихъ поученіяхъ мы встрѣчаемъ наставленія въ родѣ «содомскаго грѣха блюдися». Хотя мужеложство строго преслѣдовалось, и виновные въ немъ судились какъ великіе преступники по градскимъ или гражданскимъ законамъ, но тѣмъ не менѣе зло не только неуменьшалось, напротивъ, росло и росло... Да это потому, что тѣ самыя лица, которымъ предоставлялось закономъ преслѣдовать порокъ, сами были первыми и рьяными поклонниками его. Замѣчательно, что въ то время, когда простый народъ погрязалъ въ грубомъ, хотя и естественномъ развратѣ, привеллигированные слои общества изощрялись въ противоестественныхъ формахъ этаго порока. Въ посланіи къ великому князю Василію Іоанновичу старца Филофея о содомскомъ блудѣ читаемъ: «сія мерзость (содомство) умножися не токмо въ мірскихъ, но и въ прочихъ, о нихъ же помолчу, чтый же да разумѣетъ»... Кто здѣсь разумѣется подъ «прочими», не стоитъ много труда опредѣлить. Здѣсь рѣчь идетъ о монашествѣ и вообще о высшемъ классѣ, вращавшемся вокругъ великокняжескаго двора. Содомство вкоренилось въ монашескую среду такъ, что въ кодексъ нравственныхъ предписаній монахамъ внесено было и то, чтобы они «съ юными дѣтьми» недружились и нестояли съ ними и книгамъ ихъ неучили. По той же самой причинѣ Стоглавымъ соборомъ запрещено жить въ монастырѣ «голоусымъ». Извѣстно, напр., что митрополитъ Зосима страдалъ этимъ порокомъ. Бояре и другія знатныя

лица Московской Руси болѣе другихъ страдали позорною страстью мужеложства. Одно посланіе митрополита Даніила представляетъ примѣръ, до какихъ дурныхъ послѣдствій доходила эта страсть. Какое-то благородное лицо, находясь въ самомъ крайнемъ своемъ нравственномъ паденіи, обратилось къ митрополиту и искало у него благочестиваго совѣта. Этотъ несчастный вполнѣ сознавалъ и испытывалъ на своемъ организмѣ пагубное вліяніе порока, но его страсть развилась уже до того, что онъ небылъ въ состояніи удалить человѣка, на котораго «восходила его душевредная любовь». Вообще Русскіе первой половины XVI вѣка предпочитали женщинамъ общество молодыхъ пухленькихъ мальчиковъ. Противоестественный развратъ былъ общераспространеннымъ. Это можно видѣть изъ тогдашняго чина исповѣди, гдѣ на самомъ первомъ мѣстѣ влагаются въ уста исповѣдывающагося слѣдующія замѣчательныя слова: «се суть, отче, согрѣшенія моя: и чрезъ естественная плотская беззаконія согрѣшихъ отъ ю н о с т и м о е я, растлѣвся въ д ѣ т с к и х ъ р а с т л ѣ н і и х ъ содомскимъ блудомъ». Скажутъ, что чинъ исповѣди неможетъ служить мѣриломъ для оцѣнки нравственности, какъ источникъ оффиціальный и какъ опредѣленная навсегда форма исповѣди,—это отчасти вѣрно, но мы скажемъ противъ этаго, что всетаки нужны были факты и въ значительномъ количествѣ, чтобы попасть въ чинъ исповѣди памятникомъ, свидѣтельствующимъ о крайнемъ упадкѣ общественной нравственности. И въ такихъ оффиціальныхъ источникахъ можно отдѣлить то, что принадлежитъ извѣстному времени, и что составляетъ простую форму исповѣди. Напротивъ, чинъ древней исповѣди долженъ считаться однимъ изъ историческихъ памятниковъ нравственнаго состоянія общества. До чего доходилъ нравственный упадокъ общества, это видно изъ самаго внѣшняго вида чина исповѣди. Онъ весь состоитъ изъ вопросовъ о тѣхъ или другихъ, иногда самыхъ изысканныхъ и своеобразныхъ видахъ разврата, и въ описаніи подробностей порока..... Для вопросовъ о грѣхахъ чисто-нравственнаго характера въ нихъ отведено мѣсто только въ нѣсколько строкъ, тогда какъ описанія чувственныхъ пороковъ занимаютъ многія страницы. И правительство, и церковь вооружались противъ ужаснаго порока своего времени—содомства. Первое ставило развратниковъ наравнѣ съ ворами и разбойниками. Пастыри церкви писали посланія, въ которыхъ побуждали правительство искоренять «сей горькій плевелъ» и «богомерзкую гнусь». Таковы посланія старца Филофея къ Василію Іоанновичу, посланіе, приписываемое протоіерею Сильвестру, написанное имъ къ Іоанну Васильевичу Грозному и наконецъ слово Максима Грека «на потопляемыхъ и погибаемыхъ безъ ума богомерзкимъ, гнуснымъ содомскимъ грѣхомъ въ мукахъ вѣчныхъ». Ни посланія, ни слова немогли искоренить зла. На Стоглавомъ соборѣ опять послышались жалобы на распространеніе содомскаго грѣха. Такимъ образомъ грубая безнравственность царила во всѣхъ слояхъ общества. И тогдашняя интеллигенція и простая масса

народа одинаково погрязали въ порокѣ. Одинъ изъ современныхъ пастырей указываетъ, что многіе изъ современниковъ убивали время «умомъ и сердцемъ и всякими вещьми угожая блудницамъ». «Како же цѣломудръ будеши, обращается митрополитъ Даніилъ къ поклонникамъ грубой чувственности, а ты весь къ женамъ уклонился еси? Како же чистоту сохранити, красносіяющія лица обзираеши? Како же умоленіе сердечное пріимеши, а ты съ отрокы доброзрачными водворяешися и бесѣдуеши и свѣтлость лица ихъ любиши смотрѣти? Въ противовѣсъ нравственному упадку общества митрополитъ Даніилъ въ своихъ словахъ и особенно посланіяхъ излагаетъ самыя настойчивыя увѣщанія къ сохраненію цѣломудрія и тѣлесной чистоты.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

XVI ВѢКА.

Въ соціальной жизни древне-Русскаго общества существовало немало условій, способствовавшихъ такъ или иначе нравственной его деморализаціи. Къ числу такихъ условій относится особенная черта Русскаго народа—нерасположенность его къ настойчивому труду. Высшій классъ общества даже презиралъ всякій серьезный трудъ. Достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка считалась и поставлялась недѣятельность, изнѣженность, неподвижность. Русское «авось» да «коекакъ» слишкомъ извѣстны для того, чтобы особенно много распространяться на этотъ счетъ. Занятіе ремеслами, торговлей считалось достояніемъ только нисшихъ классовъ. Для значительнаго лица это казалось самымъ унизительнымъ дѣломъ. Случалось часто, что лишь только бѣдному простаку поблагопріятствуетъ счастіе и онъ тотчасъ же усвоялъ себѣ неподвижность, тяжеловатость богатаго и знатнаго лица. Поэтому, становятся понятными обличенія однаго современнаго проповѣдника. «Всякъ лѣнится учитися художеству, вси бѣгаютъ рукодѣлія, вси щанятъ о торгованіи, вси поношаютъ земледѣлателямъ». Для богатыхъ и знатныхъ время проходило въ праздности. Они старались убить его на всякіе пустяки, но никакъ не на серьезное дѣло. Представители Русской знати и капиталовъ, по словамъ однаго современнаго памятника, «всѣ дни свои иждивали». Незанятые ничѣмъ, они безъ серьезныхъ цѣлей блуждали по комнатамъ или по двору, заходили ко своимъ знакомымъ одинаковаго съ ними положенія и здѣсь коротали день въ пересудахъ и пьянствѣ. «Кая же тебѣ нужда есть...., который же тебѣ прибытокъ есть (спрошиваетъ митрополитъ Даніилъ, обращаясь къ празднолюбцу 1) праздну всегда быти, или кая тебѣ похвала будетъ, яко

же прелагаю преходити отъ мѣста на мѣсто». Еще сильнѣе другое обличеніе митрополита, гдѣ онъ говоритъ: «всегда наслажденія и употѣнія..., всегда праздность и безумная тасканія якоже нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ демонскимъ наученіемъ». Нежеланіе трудиться такъ было сильно развито въ высшемъ классѣ тогдашняго Русскаго общества, что многіе изъ промотавшихся или опальныхъ бояръ рѣшались скорѣе просить милостыню и бродить изъ города въ городъ, изъ посада въ посадъ, чѣмъ обратиться къ честному труду. Число такихъ бродячихъ силъ Россіи увеличивалось еще бѣгствомъ рабовъ и крестьянъ, которыхъ къ тому побуждали то деспотизмъ господъ, то частые неурожаи. И вотъ на Русской землѣ явилась масса лицъ «безъ чину ходящая, даромъ ядуща хлѣбъ и ничтоже недѣлающа, а сильніи суще собѣ пищу добыти и одежду».

Знатныя женщины вполнѣ слѣдовали въ своей жизни примѣру своихъ мужей. На нихъ мужья и здѣсь налагали свою тяжелую руку и по своей аристократической спѣси и имъ запрещали мѣшаться въ хозяйство. Невступая ни въ какія хозяйственныя дѣла, осужденныя на бездѣйствіе, онѣ для того, чтобы убить томительную скуку, брались за вышиваніе убрусовъ и церковныхъ облаченій, за вышиваніе золотомъ и шелками разныхъ вещей и дѣлали это вмѣстѣ со своими прислужницами. Но это для нихъ было не занятіемъ въ собственномъ значеніи этаго слова, а средствомъ развлеченія, — занятіемъ отъ убійственной скуки. Другимъ развлеченіемъ для женщинъ были пересуды, болтовня съ прислугою. Запертыя въ своемъ теремѣ, знатныя женщины проводили время со служанками и отъ скуки вели «пустошныя рѣчи» и приучались здѣсь располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Игнорированіе труда, пренебреженіе серьезными занятіями среди знатныхъ женщинъ доходили до пренебреженія самыми естественными своими обязанностями,—обязанностями матери. Знатной женщинѣ считалось предосудительнымъ и неприличнымъ самой кормить грудью своихъ дѣтей. За нихъ это дѣло исполняли няньки и мамки изъ ихъ же дворовыхъ. Древніе моралисты чрезвычайно возмущались такимъ холоднымъ отношеніемъ матерей ко своимъ собственнымъ дѣтямъ. Изъ словъ однаго стариннаго поученія видно, что много было такихъ женщинъ, «иже своихъ чадъ небрегуще доити, но рабыня молокомъ питающа я и даромъ Божіимъ мечущися». Такія матери достойны, по понятіямъ строгихъ моралистовъ того времени, самаго сильнаго осужденія, какъ «неимущеи милосердны утробы къ своимъ чадомъ». Вмѣсто того, чтобы заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, Русскія боярыни заботились объ увеличеніи массивности и дородности своего тѣла. Онѣ нерѣдко пили особаго рода водку, чтобы только растолстѣть и тѣмъ привлекать на себя вниманіе мужчинъ.

Конечно, все, что здѣсь говорится о праздности и лѣни Русскаго народа,—все это относится только къ высшему и богатому его классу.

О бѣдномъ классѣ нѣтъ слова. Бѣдняки—мужчины и женщины—работали какъ волы, такъ какъ имъ непредставлялось легкой возможности жить на чужій счетъ, на какій жили древніе Русскіе бояре и другія чиновныя лица.

Существуетъ нѣсколько поученій, вызванныхъ главнымъ образомъ склонностью Русскихъ къ лѣни и безпечности. Таковы: «поученіе св. отецъ о трудѣхъ» и особенно много «словъ къ лѣнивымъ». Хотя въ такихъ поученіяхъ и говорилось, что «лѣность всѣмъ дѣломъ злымъ мати есть», но подобныя убѣжденія слабы были для того, чтобы исправить натуру Русскаго народа. Митрополитъ Даніилъ оставилъ послѣ себя прекрасное поученіе, въ которомъ онъ вооружается противъ врожденной склонности Русскаго человѣка къ лѣни, и убѣждаетъ по возможности избѣгать ея. Наставленія этаго рода всѣ сгруппированы имъ въ наказаніи шестнадцатаго слова.

Обезпечиваемые ни чѣмъ неоплачиваемыми, кромѣ развѣ побоевъ, трудами своихъ крестьянъ, къ чему часто присоединялись экстраординарные доходы отъ «кормовъ», праздные, ни чѣмъ серьезнымъ незанятые, грубые, древніе Русскіе бояре и чиновныя лица изыскивали средства убивать свое время и тратить свои досуги. Самое лучшее времепрепровожденіе для ихъ вкуса казалось ѣсть въ изобиліи и еще болѣе пить. Русское хлѣбосольство издавна извѣстно. Русскіе вообще любили плотно покушать, особенно если положеніе человѣка представляло къ тому возможность и находились къ тому средства. Гастрономическія способности развиты были у Русскихъ того времени до высшей степени. Нѣкоторые изъ почитателей обильныхъ яствъ «во чрево свое паче мѣры клали» до того, что послѣ приходилось имъ дорого поплачиваться; а бывали случаи, что и «смерть отъ несчастнаго объяденія и облишепитія». Одинъ боярскій обѣдъ состоялъ изъ такаго множества блюдъ, что неошибаясь можно сказать, что онъ могъ вполнѣ удовлетворить аппетитъ цѣлаго десятка людей. Русскіе столы вообще отличались огромнымъ количествомъ блюдъ. Объ этомъ отчасти можно судить уже и потому, что на званыхъ Русскихъ обѣдахъ число блюдъ доходило до баснословной цифры—до сорока и даже до пятидесяти перемѣнъ. Теперь для насъ вполнѣ понятны становятся обличенія митрополита Даніила, когда онъ говоритъ: «кая убо есть сія нужа безсловесне убыточная и проторная творити, кая убо есть нужа многая сладостная и раздизающая ястіе и питіе имѣти выше мѣры». Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги, измѣряя честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. Самые простые будничные обѣды бояръ требовали значительныхъ рукъ. И притомъ боярину всегда нравилось, когда вокругъ его стола униженно пресмыкалась цѣлая толпа рабовъ, съ благоговѣніемъ и тайнымъ страхомъ взиравшихъ на своего владыку. Въ зажиточномъ домѣ было нѣсколько чиновъ, спеціально назначенныхъ заботиться о боярской кухнѣ, которые при обѣдѣ и выстрои-

вались всѣ въ струнку передъ бариномъ. Ключники, напр., стояли въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій—при самомъ столѣ. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господами. При такой постоянной церемоніальности боярскаго стола, при обиліи блюдъ,—можно составить себѣ приблизительное понятіе о той суетѣ и вѣчныхъ хлопотахъ, которыми занята была боярская кухня, если при этомъ еще взять во вниманіе и то обстоятельство, что Русскіе того времени кушали три, и уже ни какъ не меньше какъ два раза въ день. Митрополитъ Даніилъ рисуетъ небезъинтересную картину кухонной суеты знатнаго боярина: «Вчера и днесь, говоритъ онъ, повари въ поварню стекаются и сію украшаютъ, и свиты измѣняютъ, и руцѣ простираютъ, и листы укрѣпляютъ, и ножи острятъ, и дрова накладываютъ, и огнь вжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковороды и горници поставляютъ, къ насыщенію чрева пищу готовятъ, и сими наслажается и укрѣпляется тѣло, и потомъ къ истлѣнію сводится». «И колико тщаніе и подвиги имать пища и питіе, продолжаетъ онъ далѣе, колико же сребра и злата на сіе исчезаетъ, и колики подвиги, и поты, и труды, и болѣзни пріемлютъ чреваработницы». Была и другая причина, по которой древняя Русская знать такъ любила обильные столы. У всѣхъ Русскихъ въ то время небыло развито сколько нибудь эстетическое чувство. Бояринъ также неотличался отъ простолюдина-простака и образованіемъ. Однако нужно было сдѣлать отличіе между тѣмъ и другимъ классомъ. И вотъ Русскіе бояре усвоили себѣ взглядъ на аристократизмъ и знатность, полагая ихъ въ дородности и тучности тѣла. По понятіямъ Русскихъ, самая красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности, а не въ стройности стана и т. п. Признакомъ дурнаго тона считалось имѣть ограниченный немногими блюдами обѣдъ. На пирахъ хозяинъ величался особенно тѣмъ, что у него всего много на пиру; что у него «гостьба тостотрапезна». Такимъ образомъ и съ этой стороны боярамъ и богатымъ приходилось обращаться къ обильному столу «толстотрапезному». И по привычкѣ, и по естественной склонности, и по желанію дородства и внѣшней представительности, Русскіе бояре и богачи считали одною изъ существенныхъ и священныхъ своихъ обязанностей заботиться объ устройствѣ своей кухни. Они дѣйствительно, по словамъ митрополита Даніила, имѣли большое «тщаніе и учрежденіе о брачинахъ и питіяхъ», въ тѣхъ видахъ и разсчетахъ, что «земная плодоприношенія и часта и различна питанія укрѣпляютъ, и услажаютъ и утучневаютъ» ихъ организмъ. И вотъ представители и руководители Русскаго народа, рѣшители его судебъ и двигатели его развитія посвящали свою жизнь только на то, чтобы насчетъ бѣдняка «насыщати безпрестанно тѣло и утучневати», и это между прочимъ для того, чтобы «утучневающееся тѣло» ихъ производило подавляющее впечатлѣніе на маленькій народъ и поражало его обиліемъ «крови и блескомъ червленія ланитъ».

Еще большую нравственную деморализацію вносило въ общественную Русскую жизнь пьянство. Русскій народъ издавна славился своею любовью къ вину. И дѣйствительно, ничто такъ сильно неразвито было въ Русскомъ народѣ, какъ страсть къ вину. Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Доблесть Русскаго человѣка измѣрялась способностью перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, горе, благосклонность высшаго къ нисшему — все находило себѣ соотвѣтствующее выраженіе въ винѣ. Очень мѣтко одно древнее обличительное слово назвало пьянство вторымъ Русскимъ богомъ. «Пьянству въ васъ, говоритъ оно, чтому аки нѣкоего втораго бога всѣмъ имущимъ его». Пили всѣ одинаково. Князья и бояре несчитали для себя предосудительнымъ напиваться до потери сознанія и оттого часто преждевременно сходили въ могилу. «Въ нынѣшнемъ роду непомянути сыну, съ горечью въ сердцѣ говоритъ одинъ неизвѣстный обличитель, простыхъ человѣкъ, но князи болѣ тридцати лѣтъ до времяни недоживше отыдоша сего свѣта». Наклонность къ пьянству иногда заявляли и представители церкви — епископы, а о простомъ нисшемъ духовенствѣ и монашествѣ и говорить послѣ этого нечего. Духовенство даже, по словамъ Костомарова, перещеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. Женщины мало въ пьянствѣ отставали отъ мущинъ; на нихъ иногда плакались сами мужья ихъ. Даже малолѣтнія дѣти и тѣ рано приучались къ вину и, что всего удивительнѣе, учителями ихъ являлись сами же родители: «и дѣти своя нудите покорятися пьянству», говорится въ одномъ древнемъ словѣ. Пьянство въ Русскомъ народѣ пользовалось исключительнымъ положеніемъ. Для него несуществовало никакихъ запрещеній въ родѣ постовъ. Пили втеченіе поста и «въ постные дни пьянствомъ побѣждени бывали» многіе и непосредственно послѣ причащенія. Временемъ самаго отчаяннаго разгула для Русскихъ служили,—что должно бы было менѣе всего служить,—праздники. По народному представленію, ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ, и потому чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ шире былъ разгулъ: даже во время богослуженія развратныя пьяницы уже обивали пороги питейныхъ домовъ. Недаромъ говоритъ народъ еще и доселѣ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». Извращеніе значенія праздниковъ справедливо возмущало многихъ пастырей церкви. «Тотъ праздникъ честенъ мните, пишетъ одинъ изъ нихъ, обличая народъ, егда по многи дни упиваетеся и лежите аки мертвы отъ пьянства». «Горе тебе, душе, оплакиваетъ другій, яко праздники святыхъ чтиши питіемъ и яденіемъ»; «неподобаетъ святыхъ праздниковъ праздновати крестьяномъ, поучаетъ болѣе спокойно третій, пьянствомъ и объяденіемъ, тако же и попомъ и черницемъ». Подобныя наставленія довольно многочисленны. Праздники на народномъ языкѣ такъ и обозначались «временемъ питія». «Егда пріидетъ время питію, тогда всяка пьяница возрадуется, читаемъ въ одномъ древнемъ памятникѣ, а

егда пріидетъ постъ, тогда оскорбѣютъ піаницы». Но для большинства Русскихъ праздники только полагали начало пьянству и подавали собою поводъ къ нему, а конца ему не полагалось. Пили до тѣхъ поръ, пока пилось и когда была возможность пить. Особенно развита была у Русскихъ страсть запойства, т. е. сплошнаго періодическаго пьянства, которому поводъ обыкновенно полагали праздники. Для запоицъ все время представлялось сплошнымъ праздникомъ. Недаромъ въ поученіяхъ того времени говорится, что «діаволу больше жертвъ и лучшіе жертвы піаницы-запойцы отъ крестьянъ (т. е. христіанъ), неже отъ поганыхъ и идоломолникъ»; изъ пьяницъ-запоицъ дѣйствительно «безъ числа до времени отыдоша свѣта сего безвременнаго ради питія». Подобные любители сильныхъ ощущеній «губили весь день пьюще, яко безсловесніи и звѣріе». Но это бѣда еще небольшая. Собственно здѣсь было только начало. Многіе пили въ такомъ значительномъ количествѣ, что удивляли другихъ. Очень мѣтко изображаетъ отчаянныхъ пьяницъ одинъ древній памятникъ: «запойцы-пьяницы неимутъ покоя піюще, льютъ яко въ утелъ сосудъ донележе взбѣсуютъ отъ пьянства». Изъ такихъ пьяницъ многіе допивались до того, что спускали свои помѣстья, свое состояніе и пропивались почти до нага. А между тѣмъ страсть брала свое и требовала удовлетворенія. Тогда несчастнымъ приходилось отдавать дань своей страсти на чужій счетъ—гдѣ и какъ случалось. Они блуждали и толпились вокругъ кабаковъ и вымоливали у приходящихъ Христа ради чарочку водки; а не то—старались разузнать, въ какомъ домѣ происходитъ семейный праздникъ и направлялись туда искать горькаго счастья. Этихъ искателей даровой чарочки или, какъ они назывались «назирающіе гдѣ пирове бываютъ»—современные обличители уподобляли свиніямъ: «сзинія бо, говоритъ одинъ изъ нихъ, аще гдѣ внидетъ, то рыломъ приткнетъ, тако и піаница аще гдѣ не внидетъ въ пиръ, то умомъ постоитъ».

Самое отчаянное пьянство и разгулъ происходили на семейныхъ праздникахъ—свадьбахъ, крестинахъ. Пиры были самою обыкновенною формою общественнаго сближенія. Отличительною чертою Русскаго пиршества было чрезвычайное множество блюдъ и еще больше напитковъ. Здѣсь-то Русскіе и изощряли свои гастрономическія способности. Самою священною обязанностью каждаго зажиточнаго хозяина было угостить дорогихъ гостей до-пьяна и напоить гостей, если возможно, до того, чтобы ихъ потомъ безъ памяти отвезти восвояси. Кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина, а кто пилъ много и съ охотою, тотъ тѣмъ показывалъ видъ, что онъ любитъ хозяина. Поэтому были случаи, что на пирахъ заставляли пить насильно и даже побоями. Пиршества тянулись очень долго, съ полудня и часто чрезъ всю ночь до «полунощи и до свѣта». Все время пиршества проходило въ томъ, что присутствующіе ѣли и пили. Другіе болѣе серьезные интересы невходили въ порядокъ пиршества. Всѣ другіе интересы поглощались интересомъ же-

лудка. При всеобщей грубости и невѣжествѣ тогда еще и немогло развиться сознанія серьезныхъ интересовъ. Пирующіе эти, выражаясь словами современныхъ обличителей, «убѣжници діавольстіи», только и знали, что «многажды трудились чрева своего ради и всю нощь не усыпающе». Если на Русскихъ пирахъ много ѣлось, то еще болѣе пилось. Поклонники чрева изъ любви къ хозяину, или чаще изъ любви къ искусству усердно трудились и отправляли въ свой «утелъ сосудъ» чаши и стопы винъ и наливокъ. Для нѣкоторыхъ это казалось удивительнымъ, и имъ какъ будто представлялось даже, что пьяницы обладаютъ иною приспособленною къ питью организаціей, какъ будто они имѣли «ину утробу брашну, а ину питью». Женщины пировали отдѣльно отъ мужчинъ на половинѣ хозяйки. Только уже въ срединѣ пира, когда пиръ былъ во полупирѣ, хозяйка съ женами своихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ не въ раздѣлѣ, выходила изъ внутреннихъ покоевъ съ виномъ и чарками въ рукахъ, которыми запасались и ея спутницы. Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, становились у дверей и кланяясь просили гостей цѣловать женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ и непремѣнно цѣловались съ каждою изъ нихъ. На пиршествахъ у разгульныхъ людей женскій полъ вовсе неудалялся. Можно теперь себѣ представить взаимное отношеніе половъ на пирахъ. Отъ отуманенныхъ виномъ мужчинъ едва-ли возможно было ожидать сколько нибудь сноснаго и приличнаго обращенія съ женщинами. При видѣ женщинъ ихъ животные инстинкты пробуждались. А обрядъ цѣлованія женщинъ, довольно продолжительный, лишалъ пьяныхъ мужчинъ способности самообладанія, и здѣсь то происходили часто самыя безобразныя сцены. Тутъ мужчины и женщины подавали другъ другу питье, брались за руки, цѣловались, обнимались, играли и т. п. И вотъ въ это-то время при общемъ разгулѣ, при взаимномъ возбужденіи мужчинъ и женщинъ, прогрессивно еще увеличивавшемся подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, и происходили тѣ соблазнительныя сцены, одну изъ которыхъ обстоятельно рисуетъ одинъ современный писатель (митрополитъ Даніилъ). «Жены красны блудница, говоритъ онъ, или ино лицо женовидно краснѣющеся видѣвъ, и свѣтло и мягко тѣло объюхахъ (обнюхавъ) и при текъ, объемъ, цѣлуеши, мызжеши и рукама осязаеши. и толико безстуденъ и безуменъ бывъ бѣсовскою любовію восхитився къ ней, аки бы ея внутрь себя вмѣстити, сице помраченъ сый; якоже отъ бессловесныхъ бывая аки жребецъ нѣкій сластнояростивый, рзая и сластію распаляяся, аки огнемъ горя, яко вепрь къ свиніи своей похотствуя и употѣвая и пѣны испущая, аще и ты безсловеснымъ позавидѣвъ словесное естество въ безловесное поработивъ, о человѣче! Сице услажаешися сластьми и отъ разгорѣнія тѣла сластей мокроты испущая не престаеши и не точію не престаеши и исцѣлитися требуеши, но и огнь ко огню прилагая нестыдишася». Въ предупрежденіи подобныхъ нецѣ-

ломудренныхъ сценъ, практическіе книжники того времени говорили: «не бесѣдуй съ мужатицами (замужними женщинами) въ пиру» и, выгорживая и нѣсколько оправдывая мужчинъ, прибавляли къ сему: «яко тіи не вси ладни суть». Обязанностью и долгомъ каждаго хозяина было перепоить «до упойства» всѣхъ своихъ пирующихъ гостей, неисключая и женщинъ. Нѣкоторые изъ пирующихъ сваливались тутъ же, гдѣ сидѣли и отъ многопитія лежали «мокрые до горла яко мѣхъ наліявся» и издавали рыганіе «аки скотинное и воняли смрадомъ». По словамъ митрополита Даніила, многіе изъ его современниковъ предавались пьянству до потери всякаго разсудка. «Рцы убо, говоритъ онъ, которыя законы христіанскія твориши и храниши, а не паче ли діавольскія; Господь заповѣда рекъ: блюдите да не отягчають сердца ваши обьяденіемъ и піянствомъ, ты же обьядаешися яко скотъ и піянствуеши и день и нощь многажды до блеванія, якоже и главою болѣти и умомъ плѣнитися... нѣсть сіе христіанскаго закона, нѣсть сіе ищущихъ царства небеснаго». Такимъ образомъ нисколько непреувеличены тѣ разсужденія книжниковъ, которые говорили, что «пьянство всѣмъ злымъ вина» и что оно есть начало «всему злу», и потому-то они «назирающимъ гдѣ пирове бываютъ и запивающимся» предсказывали и «мятежъ», и «молвы», и «тяжи» и «платежи». Женщины не много уступали мужчинамъ въ способности къ пьянству. Отдѣленныя отъ мужчинъ, онѣ съ хозяйкою во главѣ и при ея настойчивыхъ и постоянныхъ упрошиваніяхъ и угощеніяхъ напивались до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. Можно себѣ представить безобразіе пьяной женщины. Недаромъ одинъ древній моралистъ сказалъ и мѣтко охарактеризовалъ пьяную женщину: «гнѣвъ великъ жена піяница и с т у д а с в о е г о н е к р ы е т ъ». Крайнее развитіе пьянства вызвало противъ себя обширную литературу со стороны церкви. Отъ того времени осталось множество поученій съ названіями: «объ объядѣніи и піянствѣ», «слово святыхъ отецъ о піянствѣ», «слово о пьянствѣ», «слово о многопотопномъ и многошумномъ пьянствѣ», «словеса мудрыя о пьянствѣ» и множество другихъ. Въ этихъ обличительныхъ словахъ въ самыхъ подробныхъ и яркихъ чертахъ представлено, до какихъ ужасающихъ размѣровъ доходило пьянство на Руси. Поэтому, вовсе непокажется преувеличеніемъ то, что было сказано. Особеннаго преувеличенія здѣсь немогло быть и потому уже, что Русскіе ни въ чемъ другомъ такъ небыли снисходительны, какъ по отношенію къ вину и его поклонникамъ. Самые строгіе моралисты допускали, что вполнѣ позволительно пить вино: «добро есть по малу пити здравіе и веселіе творити яко бо землѣ изъ года напояемой», читаемъ въ одномъ древнемъ поученіи. А въ мірской обыкновенной жизни снисходительность къ пьянству доходила до того, что несчитали вовсе пьяницею того, кто хотя и напивался до безсознательнаго состоянія, но спалъ послѣ этаго спокойно и непроизводилъ буйства и дракъ, столь обычныхъ для каждаго Русскаго пьянаго. Въ то время общею поговоркою было: «то

есть не піяница, иже упився ляжетъ спати, но то есть пьяница, иже упився, толчетъ, бьется, сварится».

Непремѣнною и общею принадлежностью Русскаго пиршества служили музыка и пляски. Церковь вообще вооружалась противъ этаго, равно какъ и противъ всякаго другаго рода развлеченій. Аскетическая идея, которая составляла руководящее начало всей древне-Русской жизни и образованности, отрицала сферу всякаго мірскаго удовольствія. Народная музыка, пѣсни, пляски, какая либо игра въ древне-Русскомъ быту были отвергаемы, какъ продукты и дѣйствія враждебной человѣку силы діавола. Потому всѣ удовольствія, и самыя въ существѣ своемъ невинныя, почитались порочными. Всякое удовольствіе, забава и увеселеніе сдѣлались «сѣтями діавола», которыми вѣрующія души отвлекались отъ Бога. Въ древнихъ поученіяхъ говорилось, что «діаволъ лестьми отлучаетъ ны отъ Бога: сопельми и скомрахи, гусльми, свирѣльми» и проч., что никто другій, а самъ «діаволъ зоветъ свирѣльми и гусльми и плясаніемъ и пѣсньми», и на этомъ основаніи утверждалось, что всѣ мірскія удовольствія суть только орудія вражьей силы, которыя «отлучаютъ человѣка отъ Бога и во дно адово вводятъ». Древніе книжники нерѣдко въ своихъ учительныхъ словахъ живыми образами рисовали сатанинскую погибель отъ мірскаго увеселенія. Извѣстно довольно распространенное въ древней письменности сказаніе св. Нифонта о Русаніяхъ, гдѣ въ самой образной формѣ представлено, какъ «бѣси соблазняли народъ на пѣсни и на плясаніе, и на играніе». Смотря на всѣ явленія жизни сквозь призму чисто-монашеской нравственности, авторы подобныхъ поученій и сказаній шли дальше и разсмотривали подробнѣе всѣ виды мірскихъ утѣхъ и окончательно осудили все, что сколько нибудь выражало удовольствіе и забаву. Во всѣхъ видахъ развлеченій, по взгляду древнихъ строгихъ моралистовъ, проглядывалъ духъ поганства, т. е. язычества, царемъ и богомъ котораго былъ конечно діаволъ. И потому во всей древне-Русской дидактической письменности музыка представлялась и называлась не иначе, какъ «бѣсовскою прелестью»; «играніа, плясанія и скаканія, долонныя плесканія»—все это относилось и обобщалось въ названіи «игры сатанинскія неистовства играніа бѣсовскаго»; «густи и плескати, и пѣти и плясати»—считалось дѣломъ исключительно однихъ поганыхъ, ихъ обычаемъ; всякія пѣсни, гдѣ выражалось свободное народное творчество, назывались пѣснями «бѣсовскими», «сатанинскими», всякая игра признавалась бѣсовскою службою. Однимъ словомъ, всякое мірское развлеченіе было не чѣмъ инымъ, какъ «сатанинскимъ замышленіемъ». Понятно послѣ огульнаго осужденія всякаго рода увеселеній, послѣднія изгонялись окончательно изъ употребленія; исключеній недопускалось даже въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ свадьба. «Неподобаетъ хрестьяномъ въ пирѣхъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, говоритъ одно древнее поученіе, аще ли то не бракъ наречется, но идольское служеніе, иже есть плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскія, сопѣли, бубни и вся жертва идольская».

Подобныя поученія дѣйствовали на общество воспитательно и само собою разумѣется, что по ихъ идеямъ по-необходимости воспитывался и идеалъ достойнаго человѣка, а слѣдовательно и идеалъ достойнаго общества, изящныхъ его нравовъ и изящныхъ порядковъ жизни. Общество, если и немогло совсѣмъ удалить отъ себя мірскихъ утѣхъ, то все таки оно чувствовало къ нимъ омерзѣніе грѣха и, въ силу такого воззрѣнія, музыку, пѣсни, пляску оно осуждало на изгнаніе изъ среды хорошихъ, чистыхъ нравовъ; оно по естественной причинѣ стало съ гордостью выситься предъ ними, низвело ихъ до низшихъ и по необходимости грязныхъ занятій поденьщика и продавца всякихъ увеселеній. Увеселенія, утѣхи въ глазахъ достойнаго человѣка являлись дѣломъ человѣка, отъявленнаго негодника и безстыдника. Скоморохи, шуты сдѣлались для человѣка достойнаго, нравственнаго не чѣмъ инымъ, какъ «бѣсовскими слугами», и пляшущая женщина обращалась въ «невѣсту сатанину», которая теряла тѣмъ самымъ всякое нравственное значеніе и ей отказывали въ положеніи въ обществѣ и семействѣ, когда говорили: «грѣшно есть и скаредно своему мужу съ таковою (пляшущею) женою совокуплятися». Теперь понятно, почему у насъ скоморохи въ древности составляли въ нѣкоторомъ родѣ ремесленный цехъ, члены котораго отличались самымъ дурнымъ поведеніемъ. Это былъ по большей части людъ готовый на все, людъ бродящій, днемъ увеселявшій народъ, а ночью грабившій его. Скоморохи иногда образовывали изъ себя бродячую труппу изъ гуляющихъ людей всякаго происхожденія; иногда же они принадлежали къ дворнѣ какого нибудь знатнаго господина. Они были не только музыкантами, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры, накры, третьи плясали, четвертые показывали народу разныя штуки выдрессированныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Самымъ виднымъ и ходячимъ предметомъ Русской забавы былъ глумецъ-шутъ, который въ обличительныхъ словахъ назывался глумотворцемъ, смѣхотворцемъ, сквернословцемъ и т. п. именами. Конечно самый грязный цинизмъ здѣсь не только былъ умѣстенъ, но и заслуживалъ общія одобренія. Другіе скоморохи носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто соблазнительныхъ положеніяхъ. Но болѣе всего они отличались и забавляли народъ «позорами и дѣйствами», т. е. сценическими представленіями. Они розыгрывали роли, наряжались въ странное самое оригинальное платье, надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ очень древній и онъ былъ очень любимъ народомъ. Скоморохи ходили большими компаніями человѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе изъ посада въ посадъ, изъ села въ село, и вездѣ представляли свои «позоры». Мѣстами представленій служили улицы и рынки. Благочестивые моралисты за-то самыя сцени-

ческія представленія называли «уродословіями и глумленіями на улицахъ». Существовалъ въ древней Руси особый видъ позорищъ и самый, можно сказать, ужасный. Извѣстно, какимъ уваженіемъ пользовалась у знатныхъ того времени охота. Въ разныхъ мѣстахъ устроялись дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для примѣрной травли. Особенно любили ловить живыми медвѣдей и волковъ, чтобы потомъ устроивать зрѣлища ихъ травли. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину невздумается посмотрѣть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устроивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену всходили охотники, потомъ впускали медвѣдя и запирали арену... Начинался бой, иногда оканчивавшійся трагически для невольнаго бойца-человѣка. И подобнаго рода кровавыя увеселенія особенно были во вкусѣ бояръ и князей. Травля звѣриная составляла настоящее торжество. Владѣльцы имѣній, устроявшія подобныя зрѣлища собирали сосѣдей, разставляли на полѣ роскошные столы, за которыми и успокоивались возбужденные нервы зрителей. Народъ очень любилъ смотрѣть на позорища скомороховъ и стекался къ нимъ во множествѣ. «Аще убо гусельникъ или плясецъ или кто инъ отъ сущихъ на игрище призоветъ градъ, обличаетъ одинъ ревнитель благочестія, со тщаніемъ вси текутъ и благодать ему званія воздаютъ и дни всецѣла полчасти изнуряютъ, оному токмо внимающе». Рвеніе, какое обнаруживалъ народъ при появленіи скомороховъ, собираясь вокругъ нихъ цѣлыми массами, современные моралисты уподобляли быстротѣ птицъ: «народъ текъ къ скоморохамъ, по выраженію ихъ, аки крилати» и во «мнозѣ собирался тамъ, куда діаволъ звалъ его гусльми и плясци и пѣсньми и свирѣльми». Особенно скоморохи любили выбирать временемъ своихъ посѣщеній праздничные дни, когда народъ былъ дома и когда имъ, значитъ, предполагались большія подачки. «Буіи и лѣнивыи ждутъ святая недѣля, говорится въ одномъ обличительномъ словѣ, да дѣла оставльше, собираются на игрищѣхъ въ тщету не ложь есть слово сіе, изыди бо въ иные дни на игрища и обрящеши я пуста, а изыди въ недѣлю на таже мѣста и обрящеши ту овыи гудуща, овы пляшуща, а другыя сѣдяща и о друзи клевещуща, а другыя борющася, а другыя помавающа и помизающа другъ другу на зло и зѣло горе есть тѣмъ...» Въ праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія, и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ далеко за полночь. Пренебреженіе ко храму Божію, ради увеселеній, справедливо возмущало благочестивыхъ людей, которые отвѣчали на это строгими обличеніями: «рука ваша и ноги ослаблены суть къ церкви, а на игрища... убыстрены, церкви стоятъ заросшше, а игрища утлочена грѣховными плясы» (это позднѣйшая утрировка словъ лѣтописи Нестора), говорится въ одномъ обличительномъ словѣ. Когда случалось въ какомъ либо домѣ празднество, напр. свадьба, то хозяинъ

для увеселенія гостей приглашалъ всегда къ себѣ труппу бродячихъ скомороховъ, которые за извѣстное вознагражденіе тѣшили пирующихъ. Пѣсни и сценическія представленія скомороховъ большею частью отличались самымъ безнравственнымъ содержаніемъ. Ихъ пляски были непристойны, наконецъ ихъ «позоры» также имѣли своимъ предметомъ въ большинствѣ случаевъ что-нибудь соблазнительное и тривіальное. А въ домахъ, на празднествахъ, когда у гостей хмѣль далеко заходилъ въ голову, скоморохи вели себя еще свободнѣе: начинали пѣть пѣсни срамныя, тѣшили компанію непристойными фарсами, часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали и т. п. Поэтому, если безусловное отрицаніе всякихъ мірскихъ удовольствій, разсмотриваемое въ принципѣ, есть крайность, такъ какъ оно исключало цѣлую область эстетическихъ созерцаній, область поэтическаго творчества,—то съ другой стороны, разсмотриваемое въ жизненныхъ современныхъ условіяхъ, какими обставлялись мірскія удовольствія древней Руси, оно было явленіемъ вполнѣ естественнымъ. При грубости народа и при крайней испорченности лицъ, бравшихся за сценическое ремесло, и другія увеселительныя средства, удовольствія Русскаго народа носили на себѣ отпечатокъ грубости и безнравственности; поэтому то-церковь и ея представители вполнѣ были правы, вооружаясь противъ распущенности общества и противъ однихъ изъ самыхъ дѣятельныхъ проводниковъ ея—скомороховъ.

У современныхъ писателей встрѣчаются обличенія Русскаго народа въ сквернословіи. Подъ сквернословіемъ здѣсь можно разумѣть вообще болтовню скомороховъ, которая дѣйствительно неотличалась скромностью и сдержанностью въ выраженіяхъ. Но скорѣе всего здѣсь сквернословіе должно понимать въ прямомъ, такъ сказать, техническомъ значеніи этого слова. Русскіе вообще любили прикрашивать свою рѣчь гнилыми, непечатными словами, что тогда, равно какъ и въ настоящее время, означало «матерны лаяться». Этотъ порокъ былъ всеобщій и настолько считался обыкновеннымъ явленіемъ, что употребленіе непечатныхъ словъ допускалось при женскомъ обществѣ. Неприличная брань до того была обыкновенною, что ее позволяли себѣ духовныя лица, и даже монахи и притомъ въ самой церкви. Самыя женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновеію, даже дѣти и тѣ неотставали отъ своихъ родителей. Церковь употребляла всѣ увѣщательныя средства, чтобы отъучить народъ отъ сквернословія, но увѣщанія дѣйствовали слабо тамъ, гдѣ служители церкви страдали порокомъ одинаковымъ со своими пасомыми. Какъ на примѣръ пастырской заботливости объ исправленіи своихъ духовныхъ чадъ можно указать на встрѣчающееся въ рукописныхъ памятникахъ поученіе о «сквернословцѣхъ». Въ подобныхъ поученіяхъ пастыри церкви употребляли самые устрашающіе образы и картины, которые должны были дѣйствовать на почитателей площадной брани. Вотъ нѣкоторые изъ такихъ дидактическихъ приемовъ. «Аще

который человѣкъ коего дни матерны излаетъ, читаемъ въ одномъ старинномъ поученіи, и того дни уста его кровію закипятъ злаго ради слова и нечистаго ради смрада, исходящаго изъ устъ. А сія есть, братіе, брань песья, псомъ бо дано есть лаяти. А въ которое время человѣкъ матерное излаетъ, въ то время небо и земля потрясется и Богородица сама вострепещетъ о таковомъ злѣ словѣ».

Кромѣ игръ скомороховъ въ древне-Русскомъ обществѣ, особенно въ аристократической его сферѣ развита была страсть къ охотѣ. Она считалась самою достойнѣйшею для высшаго класса. У богатыхъ и знатныхъ непремѣнною принадлежностью двора считалась псарня. Собакъ подвергали продолжительной дрессировкѣ опытнаго охотника и приучали ихъ понимать человѣка. Въ древней церковной письменности встрѣчаются сильныя обличенія противъ вниманія къ собакамъ. «Суть же нѣцыи о псѣхъ печалять, говорится въ одномъ обличительномъ словѣ, до сыти бо имъ ясти недаютъ, дабы на заяцъ и другые звѣри быстри были, толикоже бо и скотъ строятъ, а о души ни мало нерадяще, пси же толь хитри изучены, держа въ устѣхъ заецъ не ясть, надѣяся послѣ же накормленъ быти». На это самое указываютъ слова митрополита Даніила, когда онъ въ обличительномъ тонѣ обращается съ такимъ вопросомъ къ любителямъ псовой охоты: «кая ти нужда есть псовъ множество имѣти»?

Не одна псовая травля звѣрей употреблялась въ древнее время на Руси. Смотря по породѣ животныхъ, на которыхъ устроялась охота, приготовлялись соотвѣтствующія тому мѣры и средства. Для охоты приучали и особаго рода лошадей. Одинъ древній книжникъ пишетъ не безъ удивленія: «коня дивьяя и буяя имше человѣцы, перуща и храплюща и научатъ я тако, яко кротѣйше будутъ и домашніихъ тоже все вашею хитростію бываетъ и тщаніемъ». Для охоты бояре выбирали самыхъ лучшихъ коней и употребляли не мало хлопотъ «кормяще свои свѣтлыя коня».

Былъ еще одинъ родъ охоты, считавшійся благородною забавою царей, князей и самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Это соколиная и кречетная охота. Кромѣ того, нѣкоторые приручали птицъ— ястребовъ, которыми и «красились» и «глумились», особенно потому что они, какъ хорошо выдрессированные, исполняли разные капризы и «творили неприступающе, ни худѣ повелѣнія человѣчьска». Выученныхъ ястребовъ и соколовъ во время охоты держали обыкновенно на рукахъ, о чемъ упоминаютъ нѣкоторыя древне-Русскія поученія. У митрополита Даніила есть обличеніе птичьей охоты, особенно съ той ея стороны, что она отнимаетъ собою много времени на приученіе птицъ, о чемъ такъ ревниво заботились любители соколиной и кречетной охоты: «кый же прибытокъ ти есть, спрошиваетъ митрополитъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ такимъ любителямъ, надъ птицами дни изнуряти».

Въ высшемъ классѣ древне-Русскаго общества господствовала чрез-

мѣрная роскошь. Особенно эта роскошь бросалась въ глаза сравнительно съ бѣдностью простаго народа. «Когда знатный человѣкъ, говоритъ Костомаровъ, одѣвался въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ, во время частыхъ неурожаевъ, ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или лебеды, коренья и древесную кору». Слова почтеннаго историка мѣтко характеризуютъ эпоху въ разсматриваемомъ отношеніи. Конечно, древняя роскошь проявлялась, какъ и всегда, различно, смотря по вкусу каждаго. Частныя проявленія, въ какихъ она выражалась среди Русскихъ XVI вѣка, можно видѣть въ указаніяхъ митрополита Даніила. Онъ, говоря въ одномъ мѣстѣ объ истинныхъ подвижникахъ Христовой вѣры, описываетъ ихъ нравственную дѣятельность по противоположенію недостаткамъ своихъ современниковъ и выражается объ истинныхъ христіанахъ что «они презрѣша міръ и яже суть въ мірѣ, и всяку сладость, и славу и честь, и высоту, и гордость, и болярство, и возвышенные престолы, и благородіе преизящное, и гордѣніе всякое, и царства, и княженія, и предстоящія отроки, и предъидущая слуги, и безчисленное богатство грады же и села, кони же и златыя утвари, и сладость ястія и питія златопрядныя постели» и проч. Между общими чертами, въ какихъ вообще проявляется роскошь, описываемая Даніиломъ, находятся и такія, которыя специфически принадлежатъ только одной древне-Русской жизни. Таково, наприм., упоминаніе о предстоящихъ отрокахъ и слугахъ. Самою непремѣнною принадлежностью сколько-нибудь зажиточнаго древне-Русскаго человѣка служило множество слугъ и дворни. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги обоего пола, доходившее иногда до тысячи. Русскіе господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. По стариннымъ Русскимъ понятіямъ ходить пѣшкомъ для важнаго человѣка считалось предосудительнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы ему пришлось сдѣлать только нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ. Бояринъ или знатный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Русскіе боярскіе выѣзды, особенно женскіе, происходили въ сопровожденіи цѣлой толпы особыхъ слугъ, называвшихся скороходами. Число ихъ иногда доходило до тридцати и даже до сорока человѣкъ. Объ этихъ-то «предстоящихъ» и «предъидущихъ» слугахъ несомнѣнно и говоритъ митрополитъ Даніилъ. Точно также вполнѣ современно его упоминаніе о коняхъ и дорогихъ утваряхъ. Русскіе бояре большею частью ѣздили верхомъ и ихъ верховыя лошади украшались самымъ роскошнѣйшимъ образомъ. Сѣдла обивались бархатомъ съ золотыми узорами, узды дѣлались серебряныя и сверхъ того снабжались серебряными, иногда золоченными цѣпочками, издававшими звуки при каждомъ движеніи лошади; подъ шею лошади привѣшивались ожерелья, составленныя изъ ремней, унизанныхъ серебряными и даже золотыми бляхами и т. д.

Въ высшемъ Русскомъ обществѣ развита была страсть къ богатой

одеждѣ. Богатая одежда служила признакомъ благоденствія и достоинства человѣка, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда ему приходилось прикинуться небѣднякомъ, бралъ у сосѣда на-прокатъ платье и платилъ за это. Помимо достоинства матеріи, которое предполагалось само собой, вся прелесть платья, по понятіямъ того времени, заключалась въ ея пестротѣ и разноцвѣтности. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе, а потому всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣнковъ можно было встрѣтить на Русскихъ одеждахъ, но преимущественно красные. Даже духовныя лица носили рясы красныхъ цвѣтовъ. Значитъ обличенія нѣкоторыхъ современниковъ, что «вси красятся и упестреваются»—нужно понимать въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Дѣйствительно, при любви Русскихъ къ яркимъ и разнымъ цвѣтамъ можно себѣ представить ту пестроту платья, которая естественно бросалась въ глаза всѣмъ и каждому. Русскіе вообще незаботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ; понятіе красоты, изящества заключалось для нихъ главнымъ образомъ только въ пестротѣ и блескѣ

Знатные носили дорогія одежды одинаково и въ праздничные и будничные дни, какъ это можно заключать изъ словъ митрополита Даніила, когда онъ говоритъ: «кая ти нужа есть по вся дни свѣтлыми ризами украшатися, инѣмъ же и въ господскіе дни ниже обычныхъ имущимъ довлѣтися».

Однимъ изъ любимыхъ Русскихъ украшеній служили сапоги. Сапоги у Русскихъ носились до колѣнъ; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у знатныхъ лицъ эти гвозди дѣлались изъ серебра. Сапоги всегда дѣлались цвѣтные, чаще всего красные и желтые, иногда зеленые, голубые, лазоревые. Они расшивались золотомъ особенно въ верхнихъ частяхъ и на голенищахъ съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и т. п. и унизывались жемчугомъ, а у менѣе состоятельныхъ расшивались разноцвѣтными шелками. Митрополитъ Даніилъ весьма часто трактуетъ въ обличительномъ тонѣ «о сапозѣхъ» и «о красотѣ сапожнѣй». Онъ между прочимъ передаетъ, что тогдашніе Русскіе сапоги представляли въ своихъ украшеніяхъ «ухитренная швенія премудростію шелкомъ и бисеромъ». Въ другомъ мѣстѣ описаніе сапоговъ дополняется новыми чертами: «мы не точію простыхъ и сапоговъ чрезъ потребство имѣемъ, говоритъ онъ, но и съ серебромъ, и съ златомъ и съ бисеромъ... и сапоговъ красныхъ, шелкомъ премудростнѣ шитыхъ». Даніилъ возмущается слишкомъ большими заботами и стараніями, какія понапрасну тратили его современники на украшеніе сапоговъ. «Ты не точію неищеши небесныхъ, обращается митрополитъ къ современному франту въ богатоубранныхъ сапогахъ, но и на небо невзираеши, нивочтоже нещуя красу небесную, яко свинія пребывая долу ничиши: о красотѣ сапожнѣй весь

умъ свой имѣя и о прочихъ ризахъ», и «кая ти нужа есть сапоги шолкомъ шитые носити?»

Въ обличеніяхъ митрополита Даніила противъ роскоши въ одеждѣ находится упоминаніе о нѣкоторыхъ такихъ украшеніяхъ, которыя безъ историческаго освѣщенія ихъ покажутся вполнѣ непонятными. Такъ Даніилъ обличаетъ франтовитыхъ юношей своего времени въ томъ, что «умъ ихъ всегда плаваетъ о ожереліяхъ». Это ожерелье въ древности означало нѣчто иное, чѣмъ то, что въ настоящее время соединяется съ этимъ названіемъ. Древнее ожерелье составляло предметъ украшенія для мужчинъ и служило составною частью Русской рубахи. Рубахи въ то время окаймлялись тесмами, расшитыми шелками и золотомъ; у знатныхъ и богатыхъ вышивали рукава и грудь. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ-подъ верхнихъ одеждъ пальца на два. Этотъ воротникъ и назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегивали къ ней у богатыхъ золотыми и серебрянными золочеными пуговицами. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Къ Русскому кафтану также иногда пристегивали отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугомъ. На ожерельяхъ кромѣ жемчуга и камней всегда ставились золотыя пуговицы. Пуговицы у богатыхъ дѣлались иногда изъ жемчужинъ, и щеголи отличались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жемчужины. Даніилъ и этой принадлежности древне-Русскаго туалета непроходитъ молчаніемъ. «Ты, говоритъ онъ, обличая франтовство, повѣшаеши подъ брадою твоею пуговицы, сіяющія красны зѣло и красишися тако, яко и женамъ нелѣпо есть». Пуговицы въ древне-Русскомъ нарядѣ играли большое значеніе. На кафтанахъ, шубахъ и другихъ верхнихъ платьяхъ, отличавшихся всегда изобиліемъ разрѣзовъ, послѣдніе застегивались множествомъ пуговицъ. Онѣ нашивались тамъ, гдѣ въ нихъ небыло никакой нужды, напримѣръ, на шапкахъ. Пуговицы приготовлялись изъ дорогихъ металловъ; особенная драгоцѣнность Русскихъ мужскихъ платьевъ заключалась между прочимъ въ этихъ пуговицахъ; величина ихъ доходила у болѣе франтовитыхъ бояръ до размѣра яйца. Число пуговицъ на каждомъ верхнемъ платьѣ было—также безъ особенной въ томъ надобности—отъ одиннадцати до пятнадцати.

Русскіе носили поясы или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ и пуговицами. У богатыхъ кушаки дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоцѣнностями. Поясы украшались золотыми и серебряными бляхами разной величины и формы. Митрополитъ Даніилъ передаетъ, что Русскіе щеголяли и «о иже подъ срачицею препоясаніи». Можно думать, что митрополитъ имѣетъ здѣсь въ виду Русскіе обыкновенные поясы. Названіе пояса «подъ срачицею» можетъ быть понимаемо и объясняемо въ томъ смыслѣ, что срачица здѣсь разумѣется кафтанъ, который и подпоясывался поясомъ, а по-

верхъ кафтана накидывались еще шубы, такъ-что за этими послѣдними плотно скрывался и кафтанъ, и скрывавшій его поясъ. По этому поводу митрополитъ Даніилъ говоритъ: «мы не точію простыхъ и сапоговъ чрезъ потребьство имѣемъ... и не точію сія, но и подъ срачицею, иже никомуже зрящу, нѣціи подвизаются препоясаніе имѣти драго, сребромъ и златомъ утворенна».

У Русскихъ мужчинъ было въ обычаѣ носить на рукахъ перстни. На пальцы надѣвалось множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями. Кромѣ перстня съ печатью на рукахъ у Русскаго ихъ было еще нѣсколько, такъ-что иногда трудно было разогнуть пальцы руки. Даніилъ осуждаетъ и этотъ родъ украшенія. «Кая ти нужа есть, говоритъ онъ, перстни златыя и сребренныя на персты твоя полагати?»

Одинъ изъ видовъ древне-Русскаго франтовства представляетъ заботливость объ изяществѣ физіономіи. Русскіе по восточному обычаю плотно стриглись, а иногда даже брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отрощивали на головѣ волосы въ знакъ печали. Передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ остричься. Есть указаніе на это и у митрополита Даніила. И онъ какъ на одну изъ специфическихъ особенностей физіономіи франта указываетъ на «остриженіе головы». Несмотря на общеутвердившійся обычай стричь голову въ XVI вѣкѣ, извѣстны уже стали и отступленія отъ него, разсчитанныя на эффектъ и обнаруживавшія въ нововводителяхъ стремленіе покрасоваться уборомъ волосъ на головѣ. Въ противность всеобщему обычаю находились и такіе франты, которые ростили «власы главы своея на долзѣ пущающе или шаряще, и творяще бѣлы или черны или чермены, или русы на вредъ простѣйшихъ и лѣниво живущихъ человѣкъ». Кажется, на этотъ новый обычай указываетъ и митрополитъ Даніилъ, когда говоритъ «о повѣшаніи космъ», хотя, можетъ быть, здѣсь разумѣется перешедшій къ намъ съ Запада обычай ношенія париковъ.

Самое первое украшеніе древне-Русскаго человѣка-мужчины составляла борода. Она имѣла большое значеніе въ жизни въ древней Руси. Столкновенія нашихъ предковъ въ XV и особенно въ XVI в. съ Западомъ способствовали Русскому человѣку къ составленію понятія о томъ, что борода, какъ признакъ отчужденія отъ латинства, есть существенный признакъ всякаго православнаго, что бритье бороды—дѣло неправославное, еретическая выдумка. Такимъ образомъ противъ бритья бороды были и православныя преданія, и народный обычай. По понятіямъ того времени, Русскій человѣкъ, сбрившій себѣ бороду, становился не только неправославнымъ, но и не-Русскимъ. Борода для Русскаго получила значеніе сколько народное, столько же и религіозное. Послѣдствія уваженія Русскихъ къ бородѣ извѣстны. Симпатія къ бородѣ сильно укоренилась въ Русскомъ народѣ. Она считалась первымъ усло-

віемъ представительности человѣка, и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка признавалась почтеннѣе и величественнѣе. И борода долго считалась необходимою принадлежностью человѣка, и если у кого отъ природы она неросла, къ тому питали недовѣріе и считали его человѣкомъ способнымъ на всякое дурное дѣло. Ношеніе бороды называлось «христіанолѣпнымъ обычаемъ», и по утвердившимся въ то время понятіямъ борода трактовалась какъ такая, которая «премудрѣйшимъ хитрецемъ Богомъ дана не точію къ распознанію женскаго полу и мужескаго, но еще къ честновидному благолѣпію лицъ нашихъ» и «на честнообразное украшеніе человѣка».

Несмотря на все уваженіе къ бородѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка, подъ вліяніемъ Запада, на Руси при Васильѣ Ивановичѣ начало-было входить въ обычай бритье бородъ, которому послѣдовалъ и самый великій князь. Этотъ обычай вызвалъ противъ себя нападки духовенства и церкви. Противъ брадобритія писалъ Максимъ Грекъ. Стоглавый соборъ предалъ даже неблагословенію церкви лицъ, дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Были и другія обличительныя статьи противъ брадобритія въ родѣ: «о постриженіи брады». Вновь появившійся обычай сталъ на Руси сопровождаться нѣкоторыми довольно оригинальными послѣдствіями. Отказавшись отъ бороды,—самаго лучшаго своего украшенія, Русскій человѣкъ лишеніе ея хотѣлъ восполнить инаго рода выгодами, разсчитанными на изящество физіономіи, какія представлялись ему новымъ, только-что усвоеннымъ обычаемъ. Такъ какъ бритье бороды и усовъ оставляло по себѣ замѣтные слѣды, то Русскіе щеголи постарались обойти это неудобство тѣмъ, что начали небрить, а выщипывать волосы на бородѣ и усахъ, чтобы показаться предъ другими по моложе. «Нѣціи отъ насъ грубъ смыслъ имуще, читаемъ въ одномъ старинномъ поученіи, рѣжутъ и терзаютъ потребляюще власы одѣянія личнаго, иже суть на устѣхъ и на брадѣ, мняще младостію краситися нѣкоего ради сквернаго дѣла». Митрополитъ Даніилъ вноситъ нѣсколько новыя подробности въ описанія щегольскихъ пріемовъ Русскихъ поклонниковъ моды. «Яко блудницамъ обычай есть, говоритъ онъ, сице въ нравъ твой уставляеши, власы же твоя не точію бритвою, и съ плотію отъемлеши, но и щипцемъ изъ корене изтерзаеши, и щипати нестыдишися, женамъ позавидѣвъ, мужеское свое лицо на женское претворяеши. Иль весь хощеши жена быти? о, помраченія сластей плотскихъ! о, безумія конечнаго! Свободное оставивъ, къ работному течешь: нехощу, рече, жена быти, но мужъ, яковъ же и есмь; да аще еси мужъ и нехощеши жена быти, почто брады твоея или и ланитъ твоихъ власы щиплеши и исъкорене исторзати несрамляешися?» «Почто, спрошиваетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ, неточію власы твоя, но и плоть свою съ власы своими остригаеши отъ брады и ланитъ твоихъ»?

Въ поученіяхъ митрополита Даніила находится весьма важное въ историческомъ отношеніи указаніе на то, что въ древней Руси для при-

данія лицу красоты обращались къ услугамъ румянъ не однѣ женщины, но—что всего удивительнѣе—и сами мужчины. «Кая тебѣ нужа есть выше мѣры умыватися и натриватися?»—въ этихъ словахъ митрополита Даніила есть ясный намекъ на искусственное поддѣлываніе мужчинами красоты своего лица. Въ другихъ мѣстахъ говорится объ этомъ очень подробно. «Лице же твое много умываеши, такъ описываетъ митрополитъ старанія Русскаго щеголя, и натрываеши ланиты червлены, красны, свѣтлы твориши, якоже нѣкая брашна дивно сотворена на снѣдь готовишися; устнѣ же чисты, свѣтлы и червлены зѣло дивно уставивъ, якоже нѣкимъ женамъ обычай есть коснію нѣкоею ухитряти себѣ красоту, сице же подобно имъ ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зѣло уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити; тѣло же свое не точію обьядѣнія и піянствы, но и безчисленными измовеніи, и натрываніи, и сице блистатися и свѣтлитися устрояеши, якоже вельми дивенъ нѣкій камень лучи свѣтлыи испущая; якоже бѣ прельщеніе рыбамъ удица, сицеже и твоя плоть прельщеніе и соблазнъ, иже по образу Божію созданнымъ человѣкомъ, за нихъ же Сынъ Божій и Богъ волею своею страданіе поносное претерпѣ даже до смерти, ихъ же ты погубляеши, соблажняя, прельщая, оскверняя, помощь дая сатанѣ на погубленіе человѣческаго рода». Очевидно, въ послѣднихъ своихъ фразахъ митрополитъ, болѣе чѣмъ прозрачно, намекаетъ на ужасный порокъ своего времени, когда, какъ извѣстно, Русскіе особенно любили общество пухлыхъ мальчиковъ и вообще мужчинъ, выглядывавшихъ моложавыми и по своей физіономіи походившихъ на женщинъ. Понимая хорошо низкую, омерзительную цѣль, съ какою нѣкоторые изъ мужчинъ заботились объ изяществѣ своего лица и эластичности тѣла, митрополитъ Даніилъ вооружается вообще противъ всякихъ свѣтлыхъ, или—вѣрнѣе сказать—свѣтящихся лицъ. Вылощенныя красками и лишенныя волосъ на бородѣ и усахъ лица мужчинъ Даніилъ называетъ не чѣмъ инымъ, какъ «блудническими лицы». Поэтому, у него встрѣчаются такаго рода запрещенія: «не украшай лице твое на прельщеніе человѣкомъ, за нихъ же Сынъ Божій вольную, безчестную страсть претершѣ». Таже самая тенденція скрывается и въ увѣщаніяхъ, напр., слѣдующаго рода: «бѣжимъ блудницъ и сіятельныхъ лицъ и свѣтлости тѣла».

Особенною наклонностью къ самому иногда причудливому франтовству отличалось въ то время, какъ пожалуй и всегда, молодое поколѣніе—юношество. У митрополита Даніила набросаны нѣкоторыя черты современныхъ ему франтовъ-волокитъ, изъ которыхъ можно себѣ составить цѣлую картину съ довольно яркимъ колоритомъ. «Блудныи юноши», по словамъ митрополита Даніила, только и знаютъ одно дѣло: они «всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вящше женъ умываніи различными и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пуговицахъ, о иже подъ срачицею препоя-

саніи, о сапозѣхъ, о остриженіи головы, о повѣшаніи космъ, о уставленіи перстъ (со множествомъ дорогихъ перстней разумѣется), о выставленіи ногъ (для того, чтобы видно было роскошное убранство сапоговъ) и иная многая понужаются творити неполезная». Эти развратные юноши «соблазнительнѣе женъ человѣкомъ бываютъ. Что бо прелестно отъ нихъ?—спрошиваетъ митрополитъ Даніилъ—цвѣтутъ лица ихъ и сіяютъ аки луча испускающе, уста же, и гласъ, и усклабленія... и прелестнѣе, лѣпотнѣе женъ, иная же сократимъ о сихъ глаголати». Для волокитъ первымъ дѣломъ была заботливость объ изяществѣ ноги и обуви. Тогда любили форснуть ограниченнымъ объемомъ ноги, и волокиты приготовляли себѣ самые тѣсные сапоги. Также они необходились безъ дрессировки—въ самомъ пріемѣ своей ходьбы и ступанія. «Велій подвигъ твориши, говоритъ митрополитъ Даніилъ, угожая блудницамъ: ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапоги вельми червлены и малы зѣло, якоже и ногамъ твоимъ велику нужу терпѣти отъ тѣсноты согнетенія ихъ, сице блистаеши, сице скачеши, сице рыкаеши, и ржаеши, уподобляяся жребцу, благому же обычаю... ни мало хощеши навыкнути». Записные франты для того, чтобы придать фигурѣ представительную осанку и важность, пускались на всевозможные подлоги, иногда довольно смѣшные Достоинство и сановитость человѣка въ древней Руси опредѣлялись внѣшнею представительностью или—проще сказать—массивностью тѣла. На этомъ основаніи, чтобы привлечь на себя вниманіе чужаго и особенно женскаго глаза, нѣкоторые «отъ неразумныхъ человѣкъ, какъ передаетъ неизвѣстный современникъ, гордостью возносящеся, дабы ся мнѣлъ отъ человѣкъ великъ возрастомъ, подкладаютъ на плеща своя толстоту и въ сапозѣ подъ пяти своя утинки отъ древъ».

Русскія женщины бѣлились и румянились и приводили въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ: недурныя собою отъ природы, онѣ искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что казалось—будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало. Онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ: чернили свѣтлые, бѣлили черные. Женщины-красавицы должны были подчиняться этому обычаю, чтобы неподвергнуться насмѣшкамъ. У Русскихъ женщинъ существовала въ то время мода на «тонци брови» и «округлу главу». «Жены Божію творенію противящеся.... претворятъ ся, говоритъ неизвѣстный современникъ, и лица свои красятъ и бѣлятъ ваны и брови выспрь возводяще, и терзающе и мастію клепяще сирѣчь клеемъ и главные власы уминающе.... Сіи же, продолжается ниже, своя власы отмещутъ и вчиненія неудобна толстины на главы своя подъ убрусы налагающе, еже глаголюще главу равняти». Въ древней Руси для замужней женщины считалось стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы. Скромная женщина боялась, чтобы члены семейства, кромѣ мужа, неувидѣли ея волосъ.

Это правило скромности переходило въ щегольство и нѣкоторыя женщины, скрывая свои волосы подъ волосникомъ, такъ стягивали ихъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Вотъ это-то затягиваніе женскихъ волосъ и означало дѣлать «округлу главу» или «равнять главу». Нѣкоторыя женщины подкрашивали себѣ даже глаза. «Аже ли же кія безъ черности зракъ имуще, говорится въ одномъ древнемъ словѣ, сіи черностью зраки подчрежающе». Русскіе считали еще особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатые уши, и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Свое поклоненіе современнымъ модамъ Русскія женщины мотивировали тѣмъ, что онѣ «любве ради мужня се творятъ». Церковь осуждала обычай женщинъ украшать себя искусственными мѣрами и средствами. Особенно пастыри вооружались противъ привычки женщинъ являться въ церковь нарумяненными и раскрашенными. «Церковь небеснаго жилища мѣсто есть ученіемъ и молитвами, читается въ одномъ древнемъ памятникѣ, а нынѣ убо небреженіемъ яко торжище сотворихомъ, собирающебося жены къ церкви излише красятся вапы лице пишуще, да прельстятъ блудники, а естества Творца Бога забывше, брови изыщаютъ то не Бога ради прихожденіе, но на прельщеніе слабымъ и крѣпкимъ на соблазнъ».

Господствовавшая роскошь, богатые обѣды и широкія пиршества требовали громадныхъ затратъ. Нуженъ былъ постоянный и неизсякаемый источникъ для того, чтобы жить въ такомъ изобиліи и безпечности, какія любили древне-Русскіе бояре. У нихъ было, какъ извѣстно, множество крестьянъ, работавшихъ на нихъ безъ всякаго права на какое бы то ни было вознагражденіе и своими кровными трудами составлявшихъ для нихъ большіе капиталы. Но этотъ источникъ былъ болѣе или менѣе опредѣленъ и часто несоотвѣтствовалъ и неудовлетворялъ широкимъ замашкамъ древне-Русскаго боярина. Представлялась, такимъ образомъ, необходимость увеличивать свои капиталы. И многіе дѣйствительно находили къ тому средства въ томъ, что прижимали своихъ бѣдныхъ крестьянъ. Извѣстно, что древнее барство и дворянство составляли контингентъ служилыхъ людей въ государствѣ. Боярамъ ввѣрялось управленіе областей, въ ихъ вѣдѣніи находились государственные суды; бояре и дворяне наполняли собою всевозможные приказы, которыми такъ богата была древняя Россія. Вообще весь административный, судебный и экономическій механизмъ государства лежалъ на ихъ плечахъ. Государственнаго вознагражденія за службу неполагалось. Служилому человѣку предоставлялось право содержаться на счетъ мѣстныхъ жителей, что тогда называлось «кормленіемъ». Кормленіе и служило для Московской знати богатымъ источникомъ, откуда она въ изобиліи черпала свои капиталы, на счетъ которыхъ и жила широко и привольно. Такимъ образомъ Русское боярство и дворянство одинаково жили на счетъ бѣднаго простолюдина, одинаково высосывали у него

соки для собственной наживы. Ничѣмъ неограничиваемый и нестѣсняемый произволъ царилъ въ судопроизводствѣ и администраціи Русской. Презрѣнный металлъ рѣшалъ всегда и все въ пользу того, у кого его находилось больше. «Злые и немилостивые властеле, такъ разсуждаетъ одно древнее поученіе, продаютъ люди, неправедный судъ судяще, несмотряючи отнюдь правды, только бы у кого много взяти, ино тотъ и правъ есть». Поклоненіе властей карману дѣлало всемогущими богачей. Бѣднякъ никогда ненаходилъ себѣ правды и всегда былъ виноватъ предъ судьею и его кліентомъ — богачемъ. «Разсмотрѣнія немощнымъ нѣсть, говорится въ старинномъ поученіи, мнози стражутъ обидою богатыхъ». «Мнози человѣкы оклеветаеми неправдою нужаются отъ мздоимецъ судей неправедныхъ и клеветницы вѣрны бываютъ», — таковъ приговоръ современника о тогдашнемъ судѣ и расправѣ. Русскія земскія власти на ввѣренный ихъ управленію районъ смотрѣли какъ на свою собственность и въ этомъ убѣженіи хотѣли распоряжаться и въ томъ, что составляло частную собственность лица. «Нынѣшніи властеле, разсуждаетъ одно поученіе того времени, непросятъ отъ обилія твоего избытка, но глаголютъ: елико ти подобаетъ издати, и аще речеши убогъ есмь, неимамъ, то не послушаютъ его, но отъемлютъ ему давяще и біюще, и аще мало что худо имать, издавъ, самъ же гладомъ умираетъ». Жадность привыкшихъ къ изнѣженности, ко всевозможнымъ чувственнымъ удовольствіямъ бояръ незнала границъ. «Властели аще не всѣхъ обнажатъ, никогда же сыти пріимутъ, передаетъ одно старинное поученіе, пачеже никогда насытятся, медвѣди бо волцы егда насытятся, тогда улягутъ, сіи же сыти николиже имутъ». Видѣть хорошаго, добраго начальника приходилось весьма рѣдко. Съ понятіемъ о «властелѣ» у Русскихъ того времени соединялось понятіе о врагѣ самомъ опасномъ и злѣйшемъ, какимъ онъ могъ только быть для него. Въ древней письменности начальники сравниваются съ «лютымъ львомъ», пущеннымъ въ стадо овецъ, гдѣ онъ «единаго уморитъ, другаго едва живаго оставитъ....»; ихъ уподобляли также «собѣшенному псу», который «оваго уморитъ, а другаго въ болѣзни оставитъ, инаго же уязвитъ и хрома учинитъ, и тако вся люди изгубитъ». Кромѣ грубаго насилія противъ слабаго, Русскіе властели съ цѣлью наживы обращались и къ хитрости, когда видѣли, что ихъ сила неможетъ привести къ желаемой цѣли. Прекрасною характеристикою древне-Русскихъ властей съ этой именно стороны могутъ служить слѣдующія слова Максима Грека: «Толико преодолѣли Іудейскаго сребролюбія и лихоиманія страсть, такъ говорилъ онъ о современныхъ ему Русскихъ властяхъ, посылаемымъ отъ благовѣрнаго царя во градѣхъ судіямъ и анѳипатомъ, яко поволити своимъ слугамъ всякія неправедныя вины замыслити явственнѣ и неявленнѣ на имущихъ имѣнія или пометаніемъ ратнымъ въ домы ихъ въ нощи или мертваго человѣка трупъ привлекшимъ, оле величества нечестія ихъ, пометати посреди стогны, да яко праведно

будто мстители убитаго извѣтъ имутъ, не едину улицу, но всю ону часть града отняти о убійствѣ ономъ и сребро много себѣ собирати отъ сицевыхъ корыстованій неправедныхъ и богомерзскихъ». Корыстолюбіе властей имѣло одну и ту же извѣстную цѣль: поѣсть много и сладко, попить и вообще пороскошествовать и поблаженствовать на счетъ другихъ, благо—представлялась къ тому легкая возможность и дозволяло время. Власти безпощадно обирали простый народъ и во всемъ этомъ руководилъ ими самый грубый эгоизмъ. «Ты того для грабиши, такъ разсуждаетъ одно старинное поученіе, да домъ славенъ созиждеши и палаты украсиши, о конѣхъ же и псѣхъ велико притяженіе твориши, и сосуды же, въ нихъ же ясте и піете, все златомъ и сребромъ дѣлаете». Другіе обирали несчастный народъ «да кунами его устрояютъ себѣ обѣды и пиры»; или мздами его «да купятъ собѣ шубы лисьи». Митрополитъ Даніилъ передаетъ, что бояре его времени особенно сильную склонность обнаруживали къ возведенію домовъ и другихъ новыхъ построекъ, иногда безъ особенной нужды въ нихъ. Поэтому онъ совѣтуетъ имъ «домы созидати въ потребныя времена и лѣта и отъ избытковъ, а не отъ лихоимства». Обираніе народа высшимъ его классомъ вовсе небыло сколько нибудь исключительнымъ, напротивъ, оно освящалось закономъ, предоставлявшимъ властямъ «кормиться» на счетъ народа. Даже самихъ лицъ, облеченныхъ властью и безпощадно грабившихъ народъ, совѣсть не особенно мучила за ихъ жестокое обращеніе съ народомъ, такъ какъ они видѣли въ этомъ свое право, а не нарушеніе закона. Конечно были личности изъ начальствующихъ, болѣе или менѣе сознававшія всю виновность и неосновательность своего жестокаго права, всегда обливаемаго потомъ, кровью и слезами бѣднаго сѣренькаго мужичка. Усвоенная въ одномъ узко-формальномъ направленіи религіозность Русскаго народа спасала многихъ грабителей отъ мученій совѣсти. Они успокоивали, убаюкивали и подкупали свою совѣсть тѣмъ, что самую ничтожную часть отъ несправедливо-нажитаго и пріобрѣтаемаго добра удѣляли нищимъ. Церковь справедливо вооружалась противъ такаго извращенія нравственныхъ обязанностей христіанина. «Якоже кто закластъ сына предъ отцемъ проклятъ есть, разсуждаетъ одно древнее поученіе, такоже и приносяй жертву Богови отъ грабленія убогихъ имѣнія». Этаго рода явленіе столь было обыкновенно, что вызвало не одно обличеніе. Прекрасно представлена въ одномъ старинномъ поученіи вся нравственная несостоятельность поступковъ властей, одною рукою и широкою горстью грабившихъ народъ, а другою одѣлявшихъ изъ щепоти. «Аще и даси кому милостыню когда убогу, читаемъ мы въ немъ, то твои раби, стада твои пасуще нивы сиротины потравили, а иніи на работу неволею прилучени неправдою—нази, боси, голодни, ранени безвинно.... а иніи селъ лишени, ограблени тобою, давъ что милостыня твоя, окаянне, грабителю, проклятый, неправосудяй, лучше останися неправдъ твоихъ и грабленія

и безъ печали челядь свою сътвори, неже Бога безумно дарити неправдою собраннымъ воскомъ. О богате! продолжается далѣе, — здѣ сироти на тя плачуща, а индѣ убогыя на тя къ Богу вопіюща, яже ты немилованіемъ преобидѣлъ, здѣ раби нагы, ранены ходяща, и индѣ же иныя вижду отъ прикладъ ризъ твоихъ мучимы въ воду ся вмещуща....» Къ сожалѣнію все это непреувеличено. Русскіе небыли избалованы гуманностью своихъ правителей, чтобы рѣшились о нихъ говорить такъ строго и сильно по одному какому либо капризу, нежеланію подчинятьсяся. Напротивъ, здѣсь слышно горе, самое тяжелое горе терзаемаго всѣми бѣднаго народа. Среди его небыло подготовлено ни чего такого, чтобы онъ могъ особенно безъ вынужденной причины критиковать отношенія и положеніе властей; ему внушали: «противу судіи невѣщай, аще и пронырливый суть», и учили видѣть въ недостаткахъ властей наказанье за свои собственные грѣхи: «противу беззаконіемъ нашимъ томителемъ предаемся». И если послѣ всего этаго оказываются жалобы, то отсюда можно себѣ составить понятіе о безжалостно жестокомъ отношеніи Русской боярской и дворянской интеллигенціи къ простому народу. На то же самое указываетъ и древне-Русская письменность, которая въ своихъ поученіяхъ въ родѣ «слово на немилостивые цари и князи иже неправдою судятъ», «слово о судьяхъ и властелехъ, емлющихъ мзду и неправо судящихъ», «наказаніе къ владѣющимъ властелемъ міра сего», «слово Сирахово на немилостивые князя, иже въ неправду судятъ», «слово о судьяхъ и властелехъ», «слово къ судьямъ», «слово о царехъ и о князехъ», «правило о властелехъ» — самымъ безпощаднымъ образомъ бичевала древне-Русскую неправду.

Шпіонство чрезвычайно было развито въ древней Руси. Во всѣхъ классахъ общества одинаково было много ябедниковъ и доносчиковъ. Ябедничество сдѣлалось однимъ изъ доходныхъ ремеслъ. Ему посвящали себя люди и дѣти боярскіе: они разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступныя во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсыльщиковъ. Случалось, что доносили несправедливо на какаго-нибудь служилаго человѣка, который тотчасъ же, вслѣдствіе доноса, лишался всего своего состоянія и имѣнія, которое обращалось въ пользу его доносчика. Много было и другихъ случаевъ, гдѣ низская испорченная Русская натура, вмѣсто честнаго труда, открывала себѣ источники легкой наживы. Но случалось и такъ, что всѣ интриги, разсчитанныя на наживу изъ чужаго кармана, неудавались, и вмѣсто того вся бѣда обрушивалась на самаго интригана. Еще болѣе печальная и жалкая участь постигала лицъ, неумѣвшихъ прибирать чужое добро къ своимъ рукамъ, но сильно развившихъ въ себѣ страсть къ роскошной обстановкѣ. Здѣсь дѣло доходило до того, что несчастные лишались разсудка и оставляли безъ средствъ къ существованію и свою семью, жену и

дѣтей. Объ этомъ упоминаетъ митрополитъ Даніилъ. «Доколѣ питаніе, доколѣ играніе и щапленіе, доколѣ дроченіе (изнѣженность) и тунеядѣніе, говоритъ онъ, и отъ сего заимованіе, и поруки, и кабалы, и женѣ и дѣтемъ миганіе и слезы, и самому изчезновеніе и ума изступленіе»

Благодаря поборамъ властей, положеніе простаго рабочаго класса въ древней Россіи было по истинѣ ужасное. Пять дней крестьянинъ долженъ былъ проработать на господъ, а ему оставался только одинъ день въ недѣлю, да праздникъ. А тамъ еще поборы судей, государственные налоги и проч. Оттого въ домѣ крестьянина, случалось, нельзя было сыскать ничего, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади. И это были люди не послѣдней бѣдности. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями государственными и владѣльческими, при часто случавшихся неурожаяхъ, крестьяне часто умирали съ голода, или въ отчаяніи разбѣгались врозь; иногда цѣлые уѣзды такимъ образомъ пустѣли.

Подавляя сообща простый народъ, Русскіе бояре и богачи тотъ же принципъ наживы полагали и во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Знатный бояринъ жилъ въ себя и для себя и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что было ниже его, и съ завистью на людей, занимавшихъ постъ высшій его. Начало эгоизма служило руководительнымъ принципомъ древне-Русскаго интеллигентнаго класса. Въ обращеніи съ низшими себя Русскій человѣкъ былъ по большей части высокомѣренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли предъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмененъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Даже и въ томъ случаѣ, если богачь хотѣлъ оказать вниманіе маленькому въ его мнѣніи человѣку, то выражалъ его въ самыхъ грубыхъ формахъ. Онъ, напр., выражалъ къ нему свою благосклонность тѣмъ, что напоивалъ его виномъ до того, что тотъ падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Самыя святыя обязанности христіанина обращались для многихъ изъ зазнавшихся безсердечныхъ богачей въ прекрасный случай показать свое «я» и унизить ближняго. Когда хотѣли, напр. подать нищему милостыню, то прежде чѣмъ вручить ее бѣдняку, послѣдняго ругали, кричали на него, называли его самыми позорными именами и, только втоптавъ его въ грязь, убивъ его нравственно, кидали ему кусокъ хлѣба, или что либо въ этомъ родѣ. Митрополитъ Даніилъ разсказываетъ, что многіе изъ его современниковъ «со свирѣпствомъ и кричаніемъ составляли позорище на нищаго», когда подавали ему милостыню. По этому поводу митрополитъ такъ увѣщеваетъ своихъ духовныхъ чадъ: «въ подаяніи нищимъ и убогимъ, съ благословеніемъ тихо, и кротко и веселымъ сердцемъ, и въ сладости словесъ... отвѣщай нищему и убогому и сокрушенному въ болѣзнехъ тихо, кротко, смиренно, слово сладко... подаждь убо злато, и сребро, и мѣдницу и иная, елико возможно ти есть,—точію тихостію, и въ веселіи сердца, а не свирѣпствомъ и кричаніемъ составляй позорище на

нищаго; но милость сотворимъ по возможному; даждь уломокъ хлѣба, даждь слово благо, даждь умиленіе сердца твоего, воззри нань сладко умиленными очима, поскорби о немъ въ умѣ своемъ, милостыня бо всихъ добродѣтелей больши и вышни суть».

Въ Русскомъ характерѣ было мало искренности. Другъ тогда только считался другомъ, когда отъ него можно было получать пользу. Всякіе другіе интересы несуществовали въ дружбѣ. Оттого въ древности и развито было убѣжденіе, что рѣдко можно найти хорошаго друга, а если паче ожиданія онъ находился, то ему недовѣряли. Древняя практическая мудрость внушала не менѣе практическіе совѣты въ родѣ: «не исповѣдай вскорѣ другу своему неискусивъ его, друзи твои будутъ мнози, совѣтницы же одинъ отъ тысящи». Отсутствіе нравственной связи между членами общества было явленіемъ обыкновеннымъ, и тотъ, кто склоненъ былъ сблизиться и сближался съ кѣмъ-нибудь, то ему недовѣряли, основательно опасаясь, что онъ преслѣдуетъ здѣсь какую-нибудь заднюю цѣль. Между тѣмъ и другимъ дѣйствительно установливалось что-то въ родѣ дружбы,—дружбы внѣшней, ни на чемъ серьезномъ неоснованной. «Кождо отъ искренняго своего да блюдется, говорилось о такихъ друзьяхъ... яко всякъ другъ лестью ходитъ». Разсужденіе вполнѣ естественное, такъ какъ самый складъ Русской жизни непредставлялъ въ себѣ болѣе благопріятныхъ условій для установленія болѣе нормальныхъ отношеній между членами общества, между которыми дѣйствительно трудно было отыскать людей «о добрѣ любящихъ» своихъ собратій. Иногда, впрочемъ, существовала болѣе крѣпкая дружба, но и она покоилась не на взаимномъ уваженіи, а на чисто внѣшнихъ основаніяхъ, съ измѣненіемъ которыхъ измѣнялся характеръ и самой дружбы, нерѣдко переходя во вражду. «Се есть любовь (дружба) еже сотворивъ пиръ созвати отъ своихъ пріятель и сосѣды»,—вотъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ проявленія тогдашней дружбы. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ дружбы представляетъ и митрополитъ Даніилъ. «Мнози, говоритъ онъ, любятъ другъ друга, но ови внѣшняя премудрости ищуще, ови же ради имѣній, ови же славы ради, ови же ради пищи и піянства, ови же блуда ради любятъ другъ друга, ови же въ татьбахъ и разбояхъ съглашаются и любятъ другъ друга». Взаимное недовѣріе, взаимное недоброжелательство дурно отзывалось и въ общественной и въ государственной жизни. Членъ общества немогъ много разсчитывать на поддержку другаго, равно какъ и на него мало полагались. Одинъ изъ видовъ нравственныхъ обязательствъ—клятва потеряла свое значеніе въ обществѣ; самой священной клятвѣ невѣрили, и она скорѣе сдѣлалась простымъ словомъ, которое постоянно употреблялось, но весьма рѣдко исполнялось. Безполезность клятвы была сознана всѣмя, и пастыри церкви въ своихъ поученіяхъ настоивали на ея уничтоженіи, чтобы по крайней мѣрѣ чрезъ нее лишній разъ неоскорблять Бога. Боярскія распри ложились тяжелымъ бременемъ и на состояніе государства. Въ

дѣлахъ государственныхъ преслѣдовались не польза и выгода государства и отечества, а польза личная; личныя интриги руководили государственными людьми. Совершенно справедливо разсуждаетъ неизвѣстный современникъ по поводу вѣчныхъ боярскихъ неурядицъ и несогласій. «Страніи (чужестранцы) на ны, говоритъ онъ, мужаются хулою, о насъ возносятся, мы же и сами въ себѣ изчезаемъ нестроенія ради, а другъ другу несовѣтія ради».

Мало того, что между членами высшаго Русскаго общества несуществовало крѣпкой связи, между ними развиты были постоянныя интриги. Видѣлъ ли кто изъ нихъ другаго болѣе его входящимъ въ царскую милость, или удачнѣе его устроивавшимъ свои экономическія обстоятельства, сейчасъ начиналъ строить ему ковы, чтобы если непоживиться на его счетъ, то покрайней мѣрѣ уронить его въ глазахъ другихъ. «Бьются богатіи міра сего, говоритъ одинъ современный памятникъ, и сѣкутся... другъ друга хотяще одолѣти, а домъ его разграбити, и власти его прияти, честь прияти и славу, землю его взяти и сами велици быти на землѣ, въ человѣцѣхъ хвальни и горди». Какъ близко принималось къ сердцу и сколько вражды и зависти вселяло въ сердце другихъ благосостояніе какаго либо лица, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ митрополита Даніила. «Егда убо видитъ (завистливый человѣкъ) кого добро богатство имуща, говоритъ онъ, завидитъ, трясется, враждуетъ, укоряетъ...». Зависть очень часто проявлялась и на дѣлѣ. Начнетъ ли обнаруживать въ своемъ образѣ жизни какій либо достатокъ приказный человѣкъ, на него тотчасъ же падаютъ обвиненія въ плутовствѣ, его запутываютъ въ какое либо дѣло, обираютъ и засылаютъ куда нибудь въ отдаленное мѣсто государства. Такимъ образомъ существовало много обѣднявшихъ дворянъ, которые скитались безъ насущнаго пропитанія. Зло это увеличивалось еще тѣмъ, что доносители на другаго, если только оправдывался ихъ доносъ, имѣли право на вознагражденіе изъ состоянія самого обвиненнаго. Поэтому служилый человѣкъ, или вотчинникъ, или помѣщикъ всегда внимательно слѣдилъ за своимъ собратомъ по службѣ, и если открывалъ за нимъ какія либо отступленія отъ его обязанностей, влекущія потерю помѣстья, то тотчасъ же обнаруживалъ ихъ предъ высшимъ начальствомъ, за что вознаграждался отъ послѣдняго тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, на кого онъ доносилъ. Оттого между служилыми людьми никогда небыло товарищества: всѣ старались другъ другу повредить, чтобы выиграть самимъ. «Друзіи, говоритъ митрополитъ Даніилъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, которые непрочь были поживиться несчастіемъ своего соварища, недугомъ зависти одержими, многихъ напастемъ и бѣдамъ предаютъ, якоже Каинъ, якоже Исавъ, якоже Лавановы дѣти, якоже Іосифовы братія, и якоже о Корѣи и Даѳанѣ и Авиронѣ, яко же Маріамъ, якоже Саулъ на Давида, якоже архіереи и фарисеи на Христа». По словамъ митрополита Даніи-

ила, богачи его времени жили большею частью «неправедно богатящеся, чужая похищающе, и насильствующе, и яко звѣри дивіи къ единоплеменнымъ бывающе».

Еще большимъ зломъ являлось въ общественной жизни Русскаго народа такъ называемое мѣстничество. Оно служило новымъ предметомъ для боярской вражды, новымъ яблокомъ раздора въ ихъ средѣ. Русскій бояринъ дорожилъ своимъ мѣстомъ и общественнымъ положеніемъ, даже однимъ внѣшнимъ положеніемъ—сидѣніемъ выше, или ниже того, или другаго боярина—будетъ ли то въ государственной думѣ, или на простомъ обѣдѣ. Бояринъ соглашается вытерпѣть и батоги, и тюрьму, и опалу, и всякія другія личныя униженія, лишь бы сохранить за собою и своимъ родомъ то мѣсто, какое давала ему знатность происхожденія его рода. Честь и мѣсто, какъ понятіе о достоинствѣ лица, глубоко вкоренились въ нравахъ всего народа и были источникомъ и причиною безчисленныхъ споровъ и раздоровъ. Достоинство личности, измѣряемое занимаемымъ ею мѣстомъ, тотчасъ же падало и обращалось въ ничто, лишь только бояринъ подпадалъ царской опалѣ. Тутъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекращали съ нимъ знакомство, но нехотѣли съ нимъ даже и говорить и причиняли ему оскорбленія. Съ другой стороны, немного лучше было положеніе лицъ, которые крѣпко сидѣли на своихъ мѣстахъ. Противъ нихъ всегда составлялась враждебная имъ партія, дѣйствовавшая если не всегда съ успѣхомъ, то всегда настойчиво, и постоянно безпокоила тѣхъ, противъ которыхъ она направлялась. Происходила борьба. Ее митрополитъ Даніилъ по силѣ сравниваетъ съ дикостью и яростью животныхъ. Нѣкоторые современники Даніила, живя въ обществѣ, «мятежи сътворяли... и жили яко звѣри дивіи другъ друга снѣдающе». «Мы же христіане суще, порождьшеся божественнымъ крещеніемъ, говоритъ Даніилъ, поганыхъ языкъ обычаемъ прилежимъ, другъ друга кусающе, другъ друга пожирающе, якоже рыбы, другъ друга укоряюще, поношающе». Борьба принимала еще болѣе опасный и острый характеръ отъ того, что въ ней дѣйствовали большею частью силы подпольныя и притомъ косвенными путями, о существованіи чего, случалось, вовсе незнало то лицо, противъ котораго направлялись интриги. Однимъ изъ такихъ подпольныхъ средствъ уронить врага служили пересуды, распространеніе подъ-тишкомъ неблаговидныхъ и неблагопріятныхъ слуховъ насчетъ его жизни, жизни его семейства, его службы и проч. «Ты, такъ обличаетъ Даніилъ интригановъ, клевещеши, осуждаеши, облыгаеши, насмѣхаешися, укоряеши, досажаеши и оваго города глаголеши, у другаго же жену сицеву и сицеву порицаеши; инагоже инако нѣкако напѣваеши осужаеши, и клевещеши, и поносиши и иныхъ на сіе понужаеши, яко лукавый бѣсъ, зломыслищи, ненавидиши, завидиши и лукавнуеши на иже по образу Божію созданныя человѣкы, и осужаеши и клевещеши, и иная многая содѣваеши, гордишися и превозношаеши-

ся и рыкаеши аки левъ и лукавствуеши, яко бѣсъ». И другія въ подобномъ родѣ обличенія часто встрѣчаются у митрополита Даніила, въ основѣ которыхъ лежитъ извѣстная историческая подкладка. Вооружаясь вообще противъ всякихъ несправедливыхъ обидъ своему ближнему, Даніилъ между прочимъ касается и современнаго зла—наушничества, страсти къ пересудамъ. Наклонностью къ пустой болтовнѣ издавна славился Русскій человѣкъ. Конечно, языкъ еще болѣе изощрялся, когда имѣлась въ виду опредѣленная, разсчитанная на выгоду цѣль.

Въ основѣ всѣхъ боярскихъ интригъ, взаимныхъ происковъ лежала зависть къ болѣе выгодному положенію другаго, опасеніе—какъ бы родъ другаго боярина незанялъ высшаго государственнаго поста въ ущербъ знатности и традиціямъ его собственнаго рода. О личномъ достоинствѣ, личныхъ заслугахъ государству здѣсь почти неразсуждали: все право на то, или другое положеніе въ государственной іерархіи основывалось на происхожденіи и знатности рода. Даніилъ такъ именно и понимаетъ сущность дѣла и довольно распространяется о зависти. Даніилъ прежде всего нѣсколько опредѣляетъ то, въ чемъ именно выражалась зависть въ его время. «Сія зависть, говоритъ онъ, высоту престоловъ желаетъ, всѣхъ славу на себе влечетъ, вся честнѣйша любитъ быти, лукавство стяжеваетъ, правды отвращается, ближняго злымъ радуется и веселится якоже о напастехъ и бѣдахъ ближняго». Далѣе онъ указываетъ на множество золъ, вносимыхъ въ общество, завистью. «Что убо есть зависти лютѣйши, и губительнѣйши? спрошиваетъ Даніилъ. Сія вселенную безчисленныхъ наполни злыхъ: сія отъ человѣкъ смиреніе и любовь изгна; сія родъ нашъ разтерзавъ, въ ненависть и въ убійство преврати, сія на божественныя церкви воста, сія ярость и гнѣвъ отъ Бога наводитъ, сія и преже смерти мучитъ и томитъ и по смерти вѣчному огню предастъ; сія страсть паче всѣхъ страстей губительнѣйши».

При отсутствіи тѣсной связи между членами общества открывалось обширное поле для ссоръ, которыя при грубости нравовъ весьма часто переходили въ драку. Русскіе за свое личное оскорбленіе искали удовлетворенія законнымъ порядкомъ у властей, а часто случалось и то, что они устрояли свой собственный судъ и расправу. На Руси издавна существовало такъ называемое поле или поединокъ, на которомъ рѣшались взаимные споры и ссоры лицъ, заинтересованныхъ въ какомъ-либо дѣлѣ. Поединки извѣстны были и въ XVI вѣкѣ. Обыкновенно они происходили такъ: поссорившіеся между собою люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другаго кнутами. Другіе бились палками и иногда убивали другъ друга до смерти; но самая обыкновенная Русская драка была кулачная, въ которой также необходилось безъ смертныхъ случаевъ. Митрополитъ Даніилъ сильно вооружается противъ поединковъ и совершенно справедливо считаетъ ихъ явленіемъ нехристіанскимъ. «Господь заповѣда рѣкъ: блажени есте, егда по-

носятъ вамъ (Мѳ. 6, 11), говоритъ онъ, ты же христіанинъ сый съпротивная твориши, и аще тя кто ударитъ въ ланиту и обрати ему и другую (Мѳ 5, 39), ты же не точію необращаеши другую, но и единой нетерпиши, тоже и главу хощеши отрѣзати. Сія ли словеса обѣщанія твоего во святѣмъ крещеніи? спрошиваетъ далѣе митрополитъ. Сія ли есть заповѣди св. евангелія, яже пріялъ еси творити и хранити? Сія ли тебѣ рѣче Владыка Христосъ: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею и искренняго своего, яко самъ себѣ?.. Ты же не точію симъ неповинуешися, но ни слышати сихъ нехощеши, но себѣ отмщая сваришися, поля сътворяеши, убиваеши, и како христіанинъ нарицаешися, супротивная творя обѣщанію твоему еже во св. крещеніи?»

Мы разсмотрѣли семейное и общественное положеніе Русскаго общества XVI вѣка по преимуществу съ ихъ отрицательныхъ сторонъ. Въ древне-Русской семьѣ господствовалъ неограниченный произволъ домовладыки; передъ его законными и незаконными требованіями и капризами преклонялось все въ семействѣ, начиная съ жены и кончая самымъ послѣднимъ привратникомъ. Въ семействѣ все сдѣлано было для подавленія членовъ его волѣ однаго лица и усиленія его деспотизма. Общественная нравственность представляла въ себѣ господство многихъ грубыхъ пороковъ. Развратъ, чаще въ его противоестественныхъ фазисахъ, пьянство и проч. служили времепрепровожденіемъ, гдѣ убивался досугъ знатныхъ богачей. Отношенія высшаго класса къ нисшему оставляли желать многаго. Простый народъ находился въ положеніи рабства и нравственнаго и матеріальнаго по отношенію къ своему интеллигентному классу. Наконецъ въ самомъ высшемъ классѣ общества небыло единодушія, ни сколько-нибудь крѣпкой связи и солидарности въ интересахъ. Вообще во всѣхъ слояхъ и явленіяхъ общественной и семейной жизни древне-Русскаго народа начало эгоизма имѣло широкое примѣненіе.

Представленный очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія Русскаго общества отличается односторонностью своего колорита. Это обстоятельство обусловливается источникомъ, изъ котораго по преимуществу заимствовались данныя для характеристики древне-Русскаго общества. Источникъ этотъ—древнія поученія, посланія и т. п., которыя сообразно своею чисто дидактическою цѣлью преслѣдовали и бичевали всякія уклоненія отъ нравственнаго закона и въ тоже самое время вовсе игнорировали положительно сторону жизни общества—тою, которая находилась въ соотвѣтствіи съ требованіями христіанской морали. Отсюда по необходимости и нашъ очеркъ является одностороннимъ и вращается болѣе въ сферѣ анормальностей древне-Русской жизни, чѣмъ сосредочивается на изображенін привлекательныхъ сторонъ ея. Во всякомъ случаѣ въ древне-Русской жизни несомнѣнно существовало очень и очень

много привлекательныхъ сторонъ, которыя въ значительной степени искупляютъ разсмотрѣнные нами недостатки ея.

Въ своей настоящей статьѣ мы неутруждаемъ читателей подробными и тѣсными ссылками на источники, откуда заимствовались наши тѣ или другія данныя для характеристики Русскаго общества XVI в. и сочли болѣе удобнымъ ограничиться только общимъ указаніемъ на нихъ въ концѣ своего очерка.

Первоисточниками для насъ служили письменные памятники XVI в. Таковы: сочиненія Максима Грека, Іосифа Волоцкаго, митрополита Даніила, Вассіана Косаго, Филоѳея, старца Елизарова монастыря, митроп. Макарія, князя А. Курбскаго, записки иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI в. (Герберштейнъ), потомъ Домострой, Стоглавъ. Затѣмъ слѣдуетъ поставить безъименныя слова и поученія, читанныя нами въ рукописныхъ сборникахъ XVI в., входящихъ въ составъ собраній рукописей: Императорской Публичной библіотеки, Новгородской, Софійской и Кирилловской библіотекъ (при Петербургской д. академіи) и библіотеки Московской д. академіи. Точно также слѣдуетъ сюда же отнести древне-Русскіе памятники, изданные Кушелевымъ-Безбородко (Памятники старинной Русской литературы, четыре выпуска), Тихонравовымъ (Лѣтописи Русской литературы и древности, пять томовъ) и, наконецъ, изданные въ періодическихъ историческихъ изданіяхъ: въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. Россійскихъ, въ Прав. Собесѣдникѣ и др.

Изъ спеціальныхъ изслѣдованій ученыхъ историковъ, самыми важными пособіями при нашемъ трудѣ служили сочиненія слѣдующихъ авторовъ: Костомарова (Очеркъ жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ), Забѣлина (Домашній бытъ Русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII вѣкахъ) и Буслаева (Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства).

Василій Жмакинъ.